

18+

Роман Иванович Веков
(Кукуев)

Три сестры мушкетера

Время поиска

Роман Веков (Кукуев)

**Три сестры мушкетера.
Время поиска**

«Издательские решения»

Веков (Кукуев) Р. И.

Три сестры мушкетера. Время поиска / Р. И. Веков (Кукуев) —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511002-2

Лирический триллер, остросюжетная прозаическая поэма «ТРИ СЕСТРЫ МУШКЕТЕРА» Романа Векова (Кукуева) — это приятное познавательное чтение для людей всех возрастов и профессий, где каждый сможет найти для себя идеального героя и пережить невероятные приключения, а также, пользуясь приведенными рецептами, попробовать то, что подавалось на пирах римских патрициев! Приятного вам аппетита! Остерегайтесь подделок.

ISBN 978-5-00-511002-2

© Веков (Кукуев) Р. И.
© Издательские решения

Содержание

Под обложкой «Трех сестер мушкетера»	6
Об авторе	8
Вступительные слова	10
Сергей Фомин, журналист	10
Людмила Кайсарова, домохозяйка	11
Книга первая	12
И они не едят яблок или Записки любителя поспать	12
Глава 1	13
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	23
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	37
Глава 15	38
Глава 16	40
Глава 17	42
Глава 18	44
Глава 19	47
Глава 20	49
Глава 21	51
Глава 22	53
Глава 23	55
Глава 24	57
Глава 25	58
Глава 26	59
Глава 27	60
Глава 28	62
Глава 29	64
Глава 30	66
Глава 31	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Три сестры мушкетера Время поиска

Роман Иванович Веков (Кукуев)

Переводчик Сергей Анатольевич Фомин

Переводчик Людмила Ивановна Кайсарова

© Роман Иванович Веков (Кукуев), 2020

© Сергей Анатольевич Фомин, перевод, 2020

© Людмила Ивановна Кайсарова, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-1002-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Под обложкой «Трех сестер мушкетера»

Государственные секреты далеких цивилизаций
Семейные предания из глубины веков
Нравы и обычаи Древнего Рима глазами китайского мудреца
Путешествие швейцарской тетушки по Волге
Иван Грозный в воспоминаниях современников
Лав-стори московского стоматолога и поэта сновидений
Исторические хроники и новый взгляд на исход битвы при Баклушах
Подробности частной жизни открывателя легендарной Двои
Первая публикация неизвестного шедевра великого Гоголя
Лучшие люди квартиры в Лебяжьем пер.
Похождения русского негра и его друга джигита Саида
Загадка викинга и полет над океаном
Теория и практика ламбудаизма и сторож за дрова
Последний челюскинец и новейшие открытия в архивах Ватикана
Шляпа морского атташе и ключ от сейфа
Рояль Бетховена и поэт из спецназа
Лирика островов Индо-Кудыйского архипелага и авантюрный коммивояжер
Переписка Александра Македонского с его матушкой
Хранитель библиотеки Тибета и дизайн зубного протезирования как одна из разновидностей скульптуры малых форм
Мечты и идеалы русской эмиграции и кавалер ордена Красного Пиджака
Прогулки у Белого дома и торжество кулинарии

Посвящается любимой кошке Мурлине

Об авторе

Роман Иванович Веков (Кукуев) родился в 1958 году в Москве. Окончил стоматологический техникум, затем три года служил на подводных судах отдельной ветеринарной Щелябинской флотилии Главного управления Министерства здравоохранения, исправляя обязанности кока и медбрата. Затем закончил журфак МГУ, работал в газетах «За культурную ветеринарию», «Вестнике кинолога и котолога», а в начале 90-х возглавил отдел кинологии и котологии в первой «Независимой ветеринарной газете», стоял у истоков журнала «Скотовед», продолжительное время сотрудничал в журнале «Зверня», но несколько лет назад, уйдя от активной журналистики, уехал в провинциальную Стрекозань для работы над предлагаемым читателю произведением. Однако деятельная натура Векова (Кукуева) и врожденная любовь к братьям нашим меньшим требовали выхода – творческую деятельность он совмещает сегодня с должностью ветбрата в единственном в стране Международном институте Котологии, Четырехлапия и Хвостоведения, находящемся по счастливому совпадению в седой Стрекозани.

Вступительные слова

Сергей Фомин, журналист

Время перемен прошло, наступило время поиска. Читая газеты, смотря телевизор, разговаривая с друзьями, мы понимаем, что сейчас все вместе, и каждый в отдельности мы ищем в этом времени и «свое», и «наше».

Этому времени поиска и посвящено произведение Романа Векова-Кукуева «Три сестры мушкетера». Уже в самом названии мы чувствуем иронию, попытку свести воедино традиции русской психологической прозы и опыт авантюрного европейского романа. «Три сестры мушкетера» – вещь, которую не так-то просто разгадать сразу, мораль ее как бы постоянно ускользает от читателя, стремящегося с традиционным простодушием понять: кто хороший, а кто плохой, и что хотел сказать автор своим произведением.

То, что он хотел, он и сказал. Читайте эту книгу, и вы почувствуете ее современность, ибо в каждой строке ее звучит то самое, парадоксальное, судьбоносное, бестолковое, жестокое и наивное наше время.

Людмила Кайсарова, домохозяйка

Я очень люблю всякие увлекательные романы – любовные, исторические, криминальные, из жизни замечательных людей и животных, а также рецепты экзотических блюд. Но в обычных книгах, которыми я пользовалась до сих пор, бывает что-то одно: или лав-стори, или детектив, или сборник романсов. Поэтому мне приходилось тратить много денег на покупку разнообразных фолиантов. Но после знакомства с «Тремя сестрами мушкетера» я больше не покупаю никаких других книг, которые занимают много места в нашей маленькой квартире и быстро пылятся, я пользуюсь только этой, потому что в ней есть идеально сбалансированное сочетание качеств всех книг, а красивая суперобложка украшает интерьер и надежно защищает от пыли. Хотя даже у этой книги есть один недостаток – отсутствие тематических кроссвордов в конце каждой главы. Но, все равно, я выбираю «Три сестры мушкетера»!

Книга первая

И они не едят яблок или Записки любителя поспать

*Аз уснух и спях.
3 пс. Давидов*

*Про котов.
Д. Хармс*

*Ночью безлунной и солнечным днем
Время подобно снам
Там котов ласкают и яблоки рвут
И темноволосые девы дают
Плоды отведают котам
«Золотой сон» Г. Аполлинер*

Глава 1

Свет вспыхнул одновременно во всех окнах второго этажа. А потом погас. Мне очень не хотелось идти туда, но я был вынужден это сделать. Я перелез через невысокую изгородь и, минуя выложенную камнями дорожку, прошел прямо по газону и нетерпеливо открыл дверь террасы.

В нос мне ударил волшебный аромат осенних яблок. Я достал зажигалку и в ее дрожащем свете увидел, что придется ногами расчищать путь между моими любимыми антоновками.

Я вошел в дом и оказался в очень длинном коридоре. Хотя это был, пожалуй, не коридор, а как бы бесконечный зал с колоннами. Между колоннами висели бархатные занавеси, за которыми, я был в этом уверен, находились двери каких-то комнат. Держа зажигалку как свечу, я пошел вперед, отсчитывая колонны:

– Первая, вторая, пятая...

За восьмой я отодвинул портьеру и действительно увидел белую крашеную дверь с окошечком посередине и надписью «Касса». Окошечко открылось само по себе, и в нем, как на картинке в рамке оказался Цезарь в тоге и лавровом венке.

– Цезарь, – сказал я, – вот, я пришел.

Цезарь протянул мне маленький клочок бумаги в клетку с написанными на нем двумя телефонами. Возле одного было указано: «домашний», возле другого – «служебный».

– Запомни их, – сказал Цезарь. – За домом дожидается самолет, который доставит тебя в условленное место. Там вы сделаете пересадку и долетите до Москвы. Если возникнут затруднения, не стесняйся, звони. Счастливого пути.

Бумажка и Цезарь исчезли, а окошечко закрылось.

Я вышел в сад, и увидел маленький спортивный самолет. Летчик помог мне забраться в машину, и мы полетели. И через некоторое время сделали посадку на летном поле какого-то аэродрома. Я быстро вылез из самолета, и он сразу же взмыл в небо. Тут по радио громко объявили, что рейс «Мадрид-Москва» ожидает пассажира №128, и я понял, что 128 – это я.

Ко мне подбежала какая-то женщина в форме и за руку потащила к трапу. Я занял свое место, пристегнулся и, почувствовав, что мы уже взлетаем, огляделся по сторонам. Такого я не ожидал.

Мои спутники, все как один, были огромными шикарно одетыми неграми с голливудскими улыбками. Они говорили между собой, курили, а потом вдруг все одновременно посмотрели в одну сторону и сказали:

– О!

Я тоже посмотрел туда и тоже сказал:

– О!

По проходу шла необыкновенная стюардесса – двухметровая блондинка размера эдак 62-го, с львиной гривой волос по пояс.

Когда мы приземлились в Шереметево-2, я понял, что начисто забыл домашний телефон. Тогда я позвонил по служебному и услышал:

– Стойте, где стоите, мы за вами приедем.

Через пару минут ко мне подошел полнолицый молодой человек в кожаном плаще.

– Очень рад вас видеть, как добрались? – с искренней улыбкой сказал он и посадил меня в машину. – Едем ко мне, едем, едем.

Мы приехали на Лубянку, он показал пропуск, и мы на лифте поднялись прямо в его кабинет.

– Ну, что вам передал Цезарь? – спросил он, продолжая улыбаться.

– Да, собственно, ничего особенного – только два своих телефона: служебный, по которому я позвонил вам, и домашний, который я, к сожалению, забыл.

– Что вы говорите? И никак не можете вспомнить? – полнолицый явно посочувствовал мне.

– Никак, – пожал я плечами. – Прямо вот вижу этот листочек с написанными телефонами, только цифры совсем исчезли из головы.

– А тот телефон, по которому звонили сюда, помните?

– Вы, наверное, не поверите, но и его я тоже забыл, – мне стало нехорошо. – Правда.

– А вспомнить сможете? Ну, по порядку, вспоминайте...

– Я вошел в дом...

– Что вы увидели в доме, когда вошли?

– Яблоки...

– А животных? Котов, например?

– Котов я не видел.

– Почему?

– Они не едят яблок. Ведь, правда? Ведь не едят?

– Ладно, ладно, не волнуйтесь, – примирительно сказал он и протянул пачку «Кемела».

Я закурил. Он пододвинул ко мне пепельницу, спрятал «Кемел» в ящик стола и сказал:

– Сделаем так. Вы сейчас пойдете, погуляете, пообедаете, а часика в четыре встретимся на бульваре у памятника адмиралу Макарову.

Я понял, что он проверяет меня, и заметил:

– На Чистопрудном бульваре стоит памятник Грибоедову, на Сретенке – Крупской, на Гоголевском – Гоголю, а памятника Макарову в Москве нет.

– Не волнуйтесь, не волнуйтесь, в Москве пока еще много чего нет.

Я вышел на улицу и оказался напротив Большого театра. Невероятно, подумал я. Вместо зданий на Охотном ряду был ухоженный бульвар, где через каждые пять метров стояли памятники. Я узнал среди них Муция Сцеволу с перевязанной рукой, Карла Великого с соратниками, Робинзона Крузо с козами, Чарльза Дарвина, играющего в пристенок с мальчиками из пещеры Тешик-Таш, Ивана Сусанина, покупающего у китайца компас на Макарьевской ярмарке, Радищева, постамент которого был украшен надписью: «Обло, озорно, огромно, сто-зевно и лайй», Джакомо Казанову с песочными часами в одной руке и кастрюлькой, где варились яйца «в мешочек», в другой, Сперанского в окружении мясистых реформ и тот палец императора Николая Павловича, который вылез за край линейки при проектировании одноименной железной дороги.

Я стал отыскивать среди остальных адмирала Макарова и нашел. Он стоял на берегу моря.

Дабы убедиться, что это именно наш знаменитый флотоводец, я начал читать надпись на памятнике. Из-за него вышел мой полнолицый и спросил:

– Ну, что, вспомнили?

– Нет, – вынужден был признаться я.

– Тогда вся надежда на доктора. Пойдемте.

Мы вернулись в здание на Лубянке, опять прошли по коридору, но на этот раз оказались в длинном и узком зубоврачебном кабинете. Мой спутник запер дверь.

– Садитесь в кресло, – вздохнул он.

– Зачем?

– Придется вас пытаться.

– Но я вспомню, обязательно вспомню!

Тут в дверь кто-то поскребся, и я услышал, как она открывается...

Глава 2

От ужаса я закрыл глаза, а когда открыл, то увидел гостиничный номер. Через распахнутую балконную дверь луна светила мне прямо в лицо. Я сидел в кресле перед столом с пустыми бутылками и открытыми банками кошачьих консервов. А на кровати храпел какой-то дядька.

Со стола раздался звонкий хруст. У банки с самым дорогим продуктом сидела неизвестно откуда взявшаяся кошка и, зажмурив глаза, наслаждалась ее содержимым.

Дядька на кровати заворочался, храпнул сильнее прежнего, проснулся и уставился на меня, сверкая ослепительными белками на совершенно черном лице. Он был негром.

– Ну, че, Котофеич? Еще по граммულке, и я пойду, понял?

Негр спустил с кровати ноги и попытался что-нибудь налить в пластиковый стакан из уже пустой бутылки, не так давно хранившей в себе, судя по этикетке, один литр спирта «Рояль».

Кошка сказала «ррр», потом «шшш», обвела нас горящими глазами, красиво перелетела со стола прямо на перила балкона, а потом скрылась в темноте.

– Видал, Котофеич? То-то, зараза, чужих боится, а пожрать пришла.

Негр с учительским видом поднял вверх указательный палец.

Вообще-то, меня зовут Константин Тимофеевич. Так случилось, что я торгую всякими кошачьими радостями и поэтому на такое прозвище, само собой возникающее в ходе моих занятий, мне не стоит обижаться.

– Ладно, – сказал я негру. – Ты, давай, слезай с моей кровати, я спать до смерти хочу.

Выпроводив его за дверь, я стряхнул с покрывала мусор от его ботинок, погасил свет, разделся и рухнул в постель.

Глава 3

Утром я проснулся оттого, что кто-то чем-то острым цеплялся за мои ноги. Сначала я подумал, что меня все-таки стали пытаться, но, выругав себя за такую дурь, открыл глаза и увидел у моей кровати ту самую кошку.

Затем мой взор упал на останки вчерашнего пиршества, и лучшие мои нравственные и эстетические чувства оказались покоробленными.

Так жить нельзя, решил я, и на счет «раз» недоеденная банка с кошачьими фрикадельками стыдливо спряталась за занавеску, на счет «два» – бумажная самобранка со всем послевчерашним натюрмортом оказалась в мусорном ведре, на счет «три» – я с сигаретой сижу в кресле и люблю восстановленным девственным блеском полированного журнального столика.

Кошка внимательно и с некоторым сожалением пронаблюдала за тем, как исчезают из поля зрения ее деликатесы, а потом, вероятно сообразив, что их источником являюсь я, прыгнула мне на колени и посмотрела в глаза. Ее следовало погладить. Она доверчиво выгнулась и подставила мне животик. Я почесал ей пузко, она совсем разнежилась и замурчала.

На ее шее я увидел цепочку с бирочкой, вроде тех, которые носят на запястье некоторые пижоны.

– Интересно, кошка, как тебя зовут?

Я повернул цепочку и прочитал на бирке свои собственные инициалы: «К» и «Т». Кошка продолжала сосредоточенно мурчать.

– Мурка? Машка?

Она не реагировала.

– Ладно, тогда я буду звать тебя просто Кошка, – сказал я.

Она на секунду открыла глаза, перестала мурчать и очень утвердительно сказала:

– Мя!

Видимо, прав был один мой приятель, утверждавший, что хотя, в отличие от других животных, кошки и не поддаются дрессировке, но с ними при искреннем желании всегда можно договориться.

Ну, скажите, как мне было не гордиться собой! Приручить чужую кошку в такой тяжелый для нее период, когда она лишилась хозяйки. Ах, да, вы же не знаете про нее ничего! Но, как честный человек, я вынужден сказать, что и сам про нее ничего не знал до тех самых пор, пока не попал в эту гостиницу.

Вообще-то, я терпеть не могу гостиниц, особенно этих наших Домов рыбака, охотника, колхозника и моряка, а также прочих плавающих и путешествующих. Я люблю ночевать только у себя дома. Поэтому я и езжу по своим коммерческим делам на собственной машине, чтобы всегда иметь возможность хоть на рассвете вернуться в родную постель, дорожке которой для меня не существует в мире ничего.

Нет, все-таки памятники ставят совсем не тем людям – сами знаете кому. Поставить бы памятник человеку, который изобрел пуховые подушки, стеганые одеяла из разноцветной лоскутной мозаики, белоснежные крахмальные простыни и пододеяльники с ромбообразным декольте посередине. Или тому, кто выдумал ванну и все ее блестящие принадлежности – бананосные краны, ласковый дождик-душ, лазоревые плитки... А чудесные гладкие унитаза с заботливым урчанием уносящие ваши каки к далекому океану? Ведь их тоже кто-то придумал. Как и автомобили, имеющие известное всем их владельцам свойство ломаться в самый неподходящий момент.

Пока я размышлял об этом, воссев на том гостиничном предмете, который носит гордое имя одного из главнейших сантехприборов, моя новая знакомая прыгнула в раковину и заня-

лась тем же самым. Сделав свои дела, она начала отчаянно скрести фаянс раковины, потом посмотрела на меня и сказала:

– Мя!

Я сразу понял, что мне следует сделать, и открыл кран. Кошка подарила мне благодарный взгляд.

Я залез под душ, а она потрогала лапкой леечку и опять сказала: «Мя», – но уже очень вежливо. Я пустил воду, а она сначала попила из-под душа, а потом, умница моя, принялась умываться водопроводной водой! Она нравилась мне все больше и больше.

Не прихватить ли мне ее с собой? – подумал я. Такая толковая кошка послужит в моем деле хорошей рекламой. Хотя, честно признаться, приглашать ее в качестве модели для какого-нибудь «Плейкота» я бы не рискнул – банальная помоечная длинная кошка, цветом, так, процентов на шестьдесят от всей шубки – белая, а головка и спинка – коммунального кошкового цвета, ну и полосатый хвост. Прямо скажем, не Мерлин Монро, по кошачьим меркам. Но, впрочем, ведь и у большинства моих клиентов ходят в фаворитках не персидские и не ангорские, а именно такие распростецкие мурки...

Я оделся и спустился вниз. Кошка сидела у меня на руках с таким видом, будто я специально устроен только для того, чтобы на мне сидеть. Из-за стойки с ключами как ни в чем ни бывало улыбался мне всеми своими тридцати восемью, а может, и сорока зубами мой знакомый негр, а его супружница улыбалась, в свою очередь, из-за стойки бара, используя для этой цели как значительно меньшее количество преимущественно золотых зубов, так и все свои пергидролевые кудряшки.

Я помахал им свободной от Кошки рукой:

– Доброе утро! Как там моя машина?

– Не надо было моего мужика вчера угощать...

Хозяйка улыбалась теперь уже одними только зубами, а остальная часть ее лица приобрела специальное выражение, испокон веку свойственное замужним женщинам при беседе на такую, испокон веку, как и сам брак, благодатную тему.

– Ну, отдохнули вчера, ну не каждый же день, – начал оправдываться упомянутый мужик.

– Ты бы и каждый рад, чудовище, – ухмыльнулась его лучшая половина.

Посрамленный, но не потерявший достоинства, ее супруг вышел из-за стойки, обнял меня и задушевно произнес:

– Котофеич, я тебе как родному скажу, ты сегодня на автобусе съездишь, ну в эти, в свои Дерзайцы. Может, ее хозяйка уже там, она ж тебя за эту киску озолотит, понял? А я тебе машину к вечеру заправлю, помою, хочешь – прямо в Дерзайцы пригоню. А лучше – сюда возвращайся. Номерок твой приберем, а?

– Ладно, – вздохнул я, решив, что после нашего ночного возлияния мне и правда будет лучше путешествовать на автобусе.

Мы пошли за моими сумками, а кошка при этом даже не шевельнулась у меня на руках.

Глава 4

И вот, я еду в автобусе и имею, наконец, возможность рассказать все с самого начала. Я вообще-то как бы студент, то есть являюсь таковым уже лет шесть, если не восемь. Но, поскольку у нас в медицинском, тем более на стоматологии, нет вечернего отделения, а на стипендию-то не очень проживешь, то я примерно по два года учусь на каждом курсе. То есть я один год учусь, а другой – работаю, пребывая каждый раз в академическом отпуске. Как мне это удастся? А просто каждый следующий курс наук я прохожу в другом учебном заведении. Вот и все. А как я работаю, вы уже знаете – торгую оптом и в розницу кошачьим товаром – ну, там кормом, лекарствами, игрушками, домиками и всем таким.

В сумках, которые я смог взять с собой, поместилось только несколько мисочек, да разные упаковки с кормами. Я набрал еще и кое-что из мелочей, но как-то не особенно надеялся на удачу: ведь эти Дерзайцы, судя по всему, – такая дыра, что меня там просто на смех подымут с моими кошачьими консервами. Еще не так давно все мы относили сам факт их производства за границей по разряду курьезов разлагающегося Запада, хотя и потребляли по причине низкой, по отношению к человеческой пище, цены и наших пресловутых тогдашних заграничных «обстоятельств». Впрочем, этой ночью и я отдал им должное. И, надо сказать, что под «Рояль» они пошли вполне сносно, только не мешало бы их в таком случае чуть-чуть присолить.

Коллеги по бизнесу очень отговаривали меня ехать в провинцию, уверяя, что аборигены по своей бедности не содержат даже кошек, а просто считают их частью природы, которая, как известно, ни у кого ничего не покупает, а существует сама по себе.

Но оказалось, что эта здешняя первозданность приманила уже достаточное количество «цивилизованных» людей, застроивших ее шикарными коттеджными поселками. И в каждом, в расцветшей вместе с ним, как омела на дубе, лавочке, мой товар брали оптом по розничной цене. Выяснилось, что кошачьи диванчики и мисочки успели снискать успех у нового местного населения, и при этом очень быстро требуют пополнения, потому как хозяева зверей в припадке котолубия, случающегося обычно по сильной пьянке, пытаются пристроиться со своими питомцами на их диванчике или влезть в их законный домик.

Вчера в моем багажнике оставалось совсем уже мало товара, когда мои здешние коллеги, узнав о моем гешефте, вдруг, очевидно из чувства коммерческой солидарности, начали загадочно говорить о некоей даме, которая якобы содержит у себя на вилле целый кошачий городок. И зовут ее Калерия Тимофеевна, то есть она – как бы мне тезка, К. Т., и притом страшно богатая, потому что приехала сюда из каких-то дальних стран, и именно в ее владениях для меня и окажется настоящий Клондайк, существующий здесь под названием «Деревня Дерзайцы». И я, охваченный азартом Колумба, двинулся какими-то проселками по родимой пересеченной местности и, конечно же, накрутил на спидометр лишнюю сотню верст, может, даже и миль: указывая самый короткий путь к вожделенным для меня Дерзайцам, местные жители махали руками каждый раз в другую сторону.

Бензин кончился посередине бесконечной лужи. Вокруг, кроме нее, были лишь сплошные большие и мелкие болотца, игриво поросшие леском, а в машине у меня, кроме кошачьей еды, – только пачка «Кэмэла», стремительно подходящая к концу по причине моего сугубого беспокойства.

Солнце лезло за лес, в котором уже кто-то завыл. Из болот двинулся туман, а из него, с той стороны, куда я собирался ехать, явился автомобиль системы «джип».

Джип остановился, дверца его открылась, и оказалось, что он принадлежит негру в милицейской фуражке. Тот выбрался из своего вездехода, разгребая воду ногами, обутыми в рыбацкие сапоги, обошел вокруг моей машины, и, наконец, обнаружив в ней меня, спросил:

– Давно кукуешь? – и, не дожидаясь ответа, протянул руку. – Петрович.

– Костя, – сказал я.

– А, чо, Костя, у тебя папы разве нету?

– Есть.

– А как его звать?

– Ну, допустим, Тимофей Валерианович. Жив-здоров, сейчас на пенсии, если вам это интересно.

– Мне все интересно. Я свой вывод делаю – раз папа твой Тимофей, то ты – Константин Тимофеевич, понял?

– Понял, можно сказать – с детства знал. Только вот мне машину кто бы вытащил.

– Ты, Тимофеевич, не спеши. Помочь пострадавшему – святая обязанность каждого человека. Понял? Только я этой новой моды не люблю. Спросишь кого: как звать? – а тебе сразу: Костя, Вася, Петя, Жора, Эдик. Мы ж – русские люди, стало быть, должны величаться по отчеству. Понял?

Мне стало немножко не по себе. То ли это все мне чудится, то ли этот философствующий негр, явившийся из вечернего тумана в среднерусских болотцах, просто псих.

А тем временем он, со словами:

– Трос-то у тебя найдется? – бесцеремонно открыл багажник моей машины и любознательно погрузил в него свою кудрявую голову.

– Товарищ, или, как это теперь, господин милиционер, вы туда не лезьте. Трос у меня под сиденьем, а там – очень хрупкий товар. И вы, знаете ли, не очень-то... Не у себя в ментуре.

Негр совершенно не обиделся:

– Ментуру пропускаем мимо ушей, – сказал он вполне доброжелательно, но из багажника вылез. – Тем более, что она – в далеком прошлом. А я, как тебе было сказано, по отчеству – Петрович. Понял?

– А, извините, по имени?

– Абрам.

– Абрам, стало быть, Петрович?

– Люблю сообразительных. Может, и фамилией поинтересуешься? Я скрывать не буду – Ящиков. Абрам, стало быть, Петрович Ящиков. Слыхал?

– Нет.

– А зря. Меня весь район знает. У меня гостиница своя в Большом! Понял? В Москве, знаешь, Большой театр, а у нас – одноименное село. Песня еще такая есть: «Вот на пути село Большое...» Ты мне трос давай, я сейчас тебя к себе свезу. Я каждый вечер по грязи ездию, постояльцев себе собираю, понял? Народ тут вязнет, а его спасаю. Понял?

Я действительно понял, что деваться от него некуда, и дал ему трос. Он прицепил меня к своему джипу и кое-как вытащил.

Глава 5

Принадлежавшая Петровичу гостиница оказалась небольшой, но вполне приличной. Он открыл мне комнату под номером «один», вошел в нее первым, осмотрел находящуюся там кровать, сел на нее и подпрыгнул, доказывая, что мебель вполне надежная, похлопал рукой по полированной поверхности журнального столика, потом открыл дверь в ванную и с особой гордостью констатировал:

– Обе воды есть. Кто жил – не жаловался. Понял?

Я присел на кровать и понял, что страшно устал.

– Петрович, – тихо сказал я, – а машина?

– Машине, как и гостю – полный сервис, – изрек Петрович и удалился из номера.

Белая северная ночь пребывала за окном. В ее абсолютной тишине где-то очень далеко работавший телевизор в порыве жизнеутверждающего идиотизма крикнул: «Есть такая буква!» – и переключился на другой канал.

Дверь открылась, и в комнату снова вошел Петрович. Лицо его выражало сочувствие.

– Машина? – догадался я.

Петрович кивнул.

– Бензин тебе залил, движок включил, а она – ни туда, ни сюда. Что-то мы с тобой по дороге переехали, тяга-то и порвалась. Понял? – добавил он уже без привычного оптимизма.

– Понял, – грустно сказал я.

– Я же говорю – сервис полный. Утром поедешь, я отвечаю. Только надо ее разгрузить.

Мы начали перетаскивать в номер мои коробки, и Петрович снова проявил свою любознательность:

– Так, товар у тебя объемный, но легкий... Чем торгуешь-то?

– Угадай.

– А чего тут угадывать? Это... А правда, чего это?

– Ну, с трех раз...

Петрович прищурился:

– Поставишь, если скажу? А не скажу – сам поставлю.

Я кивнул.

– Памперсы?

– Холодно.

– И сухо, – добавил Петрович со вздохом. – Ладно, про памперсы это я просто так сказал, на пробу. Памперсы шуршать не могут, понял? Это – сухие супы!

Петрович был явно горд своими дедуктивными способностями.

– Чуть теплее.

Я загадочно посмотрел на Петровича.

– Теперь все продавать стали, – старательно размышлял тот, используя последний шанс. – Неужели котлеты для космонавтов?

– Все, Петрович, проиграл.

– Понял. А ведь я же прав – это пицци?

– Пицци, Петрович, пицци, только вряд ли ты их кушать станешь... Сдаешься?

– Сдаюсь, выпивка моя, – сказал он. – Но закуску ставь свою. Заодно и попробуем, смогу я ее съесть или нет.

Для эксперимента на Петровиче я решил пожертвовать парочкой консервных банок и пакетиком сухого корма. Пока мой подопытный бегал за напитками, я вытащил кошачий домик, поставил внутри его мисочку, насыпал в нее содержимое пакета, а банки расположил перед входом. Затем я достал поводок, баночку витаминов, флакон шампуня, несколько игру-

шек и все это красиво разместил перед домиком. Я так увлекся импровизированной презентацией, что не заметил вошедшего Петровича и даже вздрогнул от его слов.

– Кончай, парень, в куклы играть. Освобождай место для праздничного застолья.

В руках он держал бутылку спирта «Рояль» и банки с пивом.

– А это не куклы, – ответил я. – Это я тебе закусочку готовлю.

Петрович взял в руки банку.

– Они что, из кошек? – Он с удивлением посмотрел на меня.

Я отрицательно покачал головой.

– А, чего тут тогда кот нарисован?

– Темный ты человек, Петрович. Это – специальные корма для кошек. Импортные. Весь мир давно их ест, а мы – только начинаем.

– То-то, озверели, – обиделся Петрович, и вдруг радостно закричал: – Слушай, Котофеич, я же для тебя такого покупателя имею! Только ты, это, – добавил он вполне по-деловому, – меня в долю возьмешь. Понял?

Словотворчество Петровича, столь ревностно относящегося к проблеме человеческих имен, не смутило меня – возможный покупатель был важнее, особенно, если принять во внимание бытовавшую здесь легенду о кошачьем рае. Но опыт коммерсанта показывал мне, что, несмотря на любую симпатию к возможному компаньону, все свои интересы не следует открывать сразу.

Петрович же тем временем расстелил на столе скатерть, открыл целую бутылку «Рояля». В карманах у него оказался запас пластиковых стаканчиков, и кутеж грузинских князей начался.

Надо сказать, что Петрович сразу выявил себя практическим человеком – выпивки выставил в изобилии, а по поводу закуски заявил, что уж, если кошки это едят, то уж и люди тем более не потравятся.

– Кошка, ведь она нипочем что попало жрать не станет. «Останкинскую», скажем, колбасу или куриные окорочка из-за океана, понял? Стало быть, и мы от ихних фрикаделек не сдохнем.

С этими северными белыми ночами я как-то выпал из времени и поэтому уже никуда не спешил, Петрович – тем более. Мы разбавляли «рояль» пивом, закусывали котовыми «пищами», и я поинтересовался, каким образом бывший «мент», и к тому же – негр, оказался в этом самом Большом, и как он стал владельцем отеля. Как я уже говорил, мы никуда не спешили, и Петрович рассказал о себе все, что только знал.

Глава 6

Анатомически все без исключения национальности устроены одинаково: те же печенки, селезенки, кишки и, конечно, зубы, это я как будущий врач точно знаю. Впрочем, наш Петрович остался без мамы и папы в том замечательном возрасте, когда у него не было вообще никаких зубов в помине. Я думаю, что его мама поначалу увлеклась именно экзотическим видом будущего папы Петровича, но потом, видимо, ее планы изменились, а может быть и, наоборот, изменились папашины планы. Как бы то ни было, но черный малыш оказался в детском доме, где в честь освободившего от рабства негров президента США Линкольна получил имя Абрам, а в честь директора детского дома – отчество Петрович. И фамилию Ящиков, потому что в тот день всем вновь прибывшим детям давали фамилии на букву «я».

Интернационализм – интернационализмом, но маленький Петрович чувствовал себя среди сверстников белой вороной и прятался от них в библиотеке, где к художественной литературе и пристрастился. Перечитав огромное количество детективов, он решил стать сыщиком, и при первой же возможности оказался в школе милиции.

Девушек там обучалось до смешного мало, во всяком случае, на долю Петровича их не хватило. И он вынужден был знакомиться с ними, где попало – в метро, в парках культуры, в булочных, на танцплощадках. Его, как правило, принимали за богатого иностранного студента, по прихоти родителей обучающегося в университете им. Патриса Лумумбы. Однако, как только девушки узнавали, что имеют дело не с потомственным принцем африканского племени и не с сынком чернокожего миллионера, а с будущим отечественным милиционером, который к тому же живет в общежитии, их интерес к Петровичу как к вероятному жениху, а не экзотическому любовнику, неизменно пропадал. В конце концов Петрович стал бояться женщин, мучаясь при этом мыслью о том, что его вероятные потомки, скорее всего, тоже окажутся в детском доме, лишённые родительской любви, а он никогда об этом не узнает, и никто не назовет его папой.

Получив высшее милицейское образование, молодой специалист А. П. Ящиков был направлен на работу в известное учреждение, находящееся по почти одноименному с ним адресу – Петровка, 38. Его предполагалось использовать в операциях по борьбе с наркотиками: Петрович под видом чернокожего брата должен внедриться в «братву» африканских распространителей ужасного зелья. Но на первом же задании Петрович провалился. Наркоделы действительно приняли его за своего и заговорили на некоем, по их мнению, родном для него языке. Но ни родного «негритянского», ни общепринятого в этом мире английского, ни вообще какого-либо, кроме великого и могучего, Петрович не знал.

Надежд начальства в этой области криминалистики Петрович таким образом не оправдал, но зато проявил необыкновенную находчивость в раскрытии преступлений, связанных, так сказать, с животноводческой тематикой.

Он с гордостью перечислил мне раскрытые им дела: о волках, съевших на конной базе общества «Урожай» алхатекинского жеребца, об ушедших по осени лебедях с подрезанными крыльями из любимого Петровичем парка культуры в теплые страны, о похищенных из столичного зоопарка пингвинах. Прошу великодушно простить меня за то, что не могу изложить вам все тонкости этих криминальных историй, к тому же, по словам отставного чернокожего детектива, заниматься такому высокообразованному специалисту, как он, расследованием столь пустяковых дел, доступных любому «земляному менту», очень обидно и унижительно.

Но Петрович все же не отчаивался и верил в свою звезду. И пару лет назад Петровичу наконец лучезарно улыбнулась фортуна: его включили в группу, расследующую сенсационное преступление века!

Глава 7

Вы, наверное, еще не забыли, как одно время все, кто только мог, активно тащили из разных музеев и у частных лиц любые ценные старинные вещи: картины, статуи, библиотеки, скрипки. И родные доблестные стражи порядка решили поставить по охраннику у каждого мало-мальски стоящего антикварного объекта. В ходе этой акции нашего Петровича откомандировали секретно охранять некий наследственный рояль, принадлежащий одному из светил отечественной науки, фамилию которого я не буду называть, потому что, кто знает, в каком вузе мне еще предстоит учиться, и не придется ли мне сдавать ему экзамен.

Когда Петрович пришел по указанному ему адресу, он обнаружил настежь распахнутую дверь в квартиру. Его даже прошиб пот – он испугался, что опоздал, и вещь уже похищена. Но в квартире просто оказался активный ремонт, который уже завершали поклейкой обоев две женщины в линялых тренировочных брюках.

Вся картина произвела на Петровича неизгладимое впечатление. Он так мне и сказал:

– Котофеич, то, что было под трениками большего размера, никогда не изгладится из моей памяти, понял!

Явление же самого Петровича произвело поначалу на мастериц обратный эффект.

– Ой, тетечка, черный... – сообщила о его прибытии та, что казалось помоложе, своей коллеге, которая, еще не открыв лица, уже смутила полуафриканскую душу Петровича.

– Ты что в чужую квартиру врываешься! Двух слабых женщин пугаешь! – закричала она, хотя все, чем мог кого-либо напугать Петрович в тот момент, были лишь его неожиданное появление и пресловутая экзотическая внешность. – Чего тебе надо!?

– Может, это насильник? – с невинной кокетливостью предположила молодая.

Ситуация начинала приобретать неожиданный оборот. И Петрович решил прибегнуть к мирным переговорам, тем более, что кроме профессионального долга, у него возник и личный интерес.

– Гражданочки, – обратился он к той, что столь решительно намекнула о женской слабости: – Я телевизионный мастер, я по вызову пришел, – и тут же предъявил выданные ему на Петровке чемоданчик с инструментом и фальшивую квитанцию из телеателье.

Его мечта вытерла вымазанные клеем руки о свое сокровище и недоверчиво начала читать квитанцию. Юная товарка стояла за ее плечом и тоже читала квитанцию, усердно шевеля губами.

– Тетя Тома, а он, правда, – мастер, – сказала она.

– Ну, раз мастер, пусть работает, – ответила та, чье имя он только что узнал.

В телевизорах Петрович разбирался, как я в самолетостроении. Один лишь опыт телезрителя подсказывал ему, что в них бывают ручки, кнопки, шнур с вилкой и дырка для антенны, а также лучевая трубка. Этого было вполне достаточно: по плану операции ему следовало звонить начальству и докладывать о всех приходящих и уходящих. Разработанная для капитана Ящикова легенда предусматривала называть женщин «диодами», а мужчин – «триодами». Но на беду телевизор профессора оказался японским и, сами понимаете, никакими диодами и триодами в нем не пахло. Несмотря на это, Петрович невозмутимо достал отвертку и отвернул агрегат заднюю стенку.

Потом он разыскал под измазанными клеем газетами здешний телефон, условным кодом доложил о своем прибытии и о том, что в телевизоре наблюдается два диода, а лучевой трубки, то есть хозяина, – нет. Его начальник спросил, на месте ли рояль, на что Петрович сообщил, что пока его не видно, поскольку в квартире ремонт и вся мебель накрыта тряпками и старыми газетами.

– Какими? – почему-то поинтересовался начальник.

– «Независимой», «Сегодня» и «Общей», – доложил Петрович.

– Интеллигенция, – вздохнул начальник. – Читать умеют, а квартиру бросают неизвестно на кого. Что за диоды-то? Родственники?

– Еще не знаю. Вроде тетка с племянницей.

– Чего делают?

– Обои лепят.

– Ничего себе?

– Ничего... – изумился его пронизательности Петрович.

– Ты там бдительности-то не теряй, мало ли что, – сказал начальник.

И он оказался прав. Как только Петрович опустил телефонную трубку, на улице неожиданно раздался визг тормозов и какие-то крики. Женщины встрепенулись, а Петрович спрятался за телевизором, соображая, как ему себя вести, поскольку не годился ни один из заготовленных вариантов.

Балконная дверь неожиданно распахнулась, и через нее с криком:

– Лэжать! – в комнату ввалился мужчина, как принято теперь говорить, «кавказской национальности» с огромным пистолетом в руках.

Услышав это приказание, женщины с визгом бросились на пол и опрокинули под ноги пришельца ведро с клеем. Тот поскользнулся, а его пистолет, добавив женского визгу, выстрелил в свежепобеленный потолок и отлетел в другое ведро.

Пока кавказец пытался отодрать себя от липких обоев, лежавшие очухались, вскочили на ноги и заорали:

– Ах ты, бандит нерусский! Понаехали!

Воспитанный на уроках интернационализма, и к тому же невидимый для нападавшего, Петрович совсем растерялся, но джентльмен взял в нем верх над профессионалом. Он решительно выскочил из своего укрытия, схватил малярную кисть и заехал ею незваному гостю в лицо.

Кавказец поднял руки и кротко сказал:

– Только на улице не выгоняйте. А то там эти...

– Какие еще эти? – бесстрашно двинулась к балкону Тамара

Однако Петрович со словами:

– Не рискуй, – умело отодвинул ее в сторону и, вооружившись той же малярной кистью, пошел на балкон сам, размышляя при этом над тем, как новое действующее лицо смогло так быстро забраться на пятый этаж.

Внизу стояли две машины: серебристый кадиллак и темный форд. Около форда Петрович увидел четырех воинственного вида качков, напряженно смотревших на его балкон. Появление негра изумило их до такой степени, что они тут же, громко хлопнув всеми дверями, забрались в форд, хотя с места не тронулись.

Петрович вернулся в комнату и страшным голосом спросил:

– Кто там такие?

Кавказец все еще стоял с поднятыми руками.

– Кто такие? – еще страшнее спросил Петрович.

В душе он надеялся, что ему наконец повезло, и сейчас происходит ни что иное, как хитроумный налет с целью похищения антикварного рояля.

Но кавказец сказал:

– Они за мной. А я что? Я ихним конкурентам все заплатил, и остальным заплатил, и даже еще одним, а этим – нет.

– Почему? – все так же строго спросил Петрович.

– Деньги кончились. Честно. Один кадиллак и остался. Эх, все с начала начинать придется, – доверчиво пожаловался незваный гость.

– А мы, мастер, что делать будем? – спросила Тамара.

Этого «телемастер» Петрович совершенно не знал. Поэтому он решил потянуть время.

– Во-первых, надо закрыть дверь на замок. – С этими словами он сходил в коридор и исполнил то, что обещал. – Во-вторых, с гражданином мы сейчас побеседуем после того, как все приведут себя в порядок. Идите в ванну.

– С ним? – как будто бы испугалась племянница.

– Сначала дамы, – невозмутимо уточнил Петрович.

– Нет уж, – сказала Тамара. – Пусть он сначала помоеется, а мы тут приберем. Хозяин прийти должен.

Кавказец скрылся в ванной, откуда вскоре зазвучал шум воды. Женщины принялись за уборку, и Петрович получил возможность еще раз насладиться изысканным зрелищем. Пока они убирались, он доложил по телефону, что появился еще один триод, но с электронной пушкой, и поэтому требуются запчасти, то есть – подкрепление.

Дежурный, сменивший начальника на том конце провода, ничего не понял: ни о какой электронной пушке в инструкциях не говорилось, а подкрепление он прислать никак не мог, поскольку все сводные милицейские силы были заняты на других объектах.

Петрович с облегчением повесил трубку – его не спросили о наличии рояля, которого, судя по всему, не было в квартире.

Но тут телефон зазвонил сам. Петрович снял трубку и по привычке отрапортовал:

– Капитан Ящиков слушает.

Женщины вздрогнули. Тамара подмигнула племяннице и сказала:

– Полундра, мы на корабле!

Из телефона раздалось:

– Дерзайцы на проводе.

– Дерзайцы какие-то... – Петрович недоуменно протянул трубку Тамаре.

Та прижала ее к уху и началось сравнительное обсуждение цен на все в Москве и Дерзайцах, с записыванием на клочке обоев кому, что и сколько купить. Потом Тамара надолго замолчала.

– Не может быть, не может быть! – наконец подытожила она, а затем опустила трубку и с круглыми глазами сообщила:

– Барыня Дерзайцевская вернулась!

– Что ж ей сто лет что ли? – спросила племянница, в отличие от Петровича очевидно знавшая, кто это такая.

– Ну, не сто, а лет шестьдесят-то будет, – так важно ответила Тамара, будто омоложение на сорок лет дерзайцевской барыни было ее личной заслугой. – Хозяйка! – со значением добавила она.

– Кто такая? – профессионально поинтересовался Петрович.

И Тамара поведала ему, что, конечно, это не та старая барыня, которая с незапамятных времен владела ее родной деревней Дерзайцы, а с приходом большевиков уехала за границу, а ее то ли внучка, то ли племянница, но тоже страшно богатая, как и все там у них в этой Швейцарии. Что привезла она с собой оттуда кучу чемоданов, живого архитектора и дюжину кошек. Ночует она пока в Доме рыбака села Большого, так как от ее дерзайцевского барского дома камня на камне не осталось, но при этом она тут же оформила себе в сельсовете, где только и думают, как нашу-то земельку иностранцам продать, участок в полгектара и, что, судя по всему, останется жить, так сказать, на исторической родине, а вчера она уехала в Москву искать каких-то своих недобитых родственников.

Тамара высказала бы и еще кое-какие соображения на историко-экономические темы, но вдруг в двери повернулся ключ, и в квартиру вошел еще один мужчина. Он небрежно обвел

глазами не то отремонтированное, не то разгромленное жилище, выглянул на балкон, махнул там кому-то рукой, и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Боже, как же я ей все это покажу? Как я ей объясню, что не смог сохранить этот проклятый рояль...

На слове «рояль» Петрович сделал стойку.

– Куда же вы его дели? – спросил он, забыв, что для начала разговора следовало бы все-таки представиться.

– А вам-то что? Ну, продали мы его...

– А почему не сообщили, что произвели отторжение антикварной собственности?

– Что? Да, вы кто, собственно, такой?

Ответный тон мужчины заставил Петровича вздрогнуть, но он вовремя вспомнил о разработанной для него легенде.

– Я ваш телевизор чиню, – сказал он и в подтверждение своих слов включил прибор.

Телевизор пробормотал что-то невразумительное, мигнул и передал женским голосом:

– Вчера наши доблестные сотрудники органов успешно провели операцию по задержанию похитителей этих бесценных полотен.

Телевизор показал всем картину Саврасова «Грачи прилетели», а затем портреты двух несвежих типов и продолжил:

– Пытаясь обмануть правосудие, один из преступников утверждал, что купил эти картины в Измайлово, а второй стремился доказать, что нарисовал сам.

На экране появилась картина Репина «Не ждали».

– Вот, пожалуйста, работает, – сказал Петрович и выключил телевизор. – Сейчас заднюю стеночку приверну, и все путем.

Глава 9

– Ладно, давайте квитанцию. Сколько я вам должен? – уже более миролюбиво сказал мужчина. – И что это Ирочка вас вызвала, а мне ничего не сказала?

– Может, сказала, а вы забыли. Вы же такой занятой... – подобострастно промурчала Тамара.

– Ну, что у вас за манера, не с вами же разговаривают, – опять посуровел мужчина. – Вы ведь еще вчера обещали все сделать, а уже, между прочим, сегодня... Это еще что? – Он указал на пулевой след в потолке.

Тут из ванной раздалось пение, в котором внимательный слушатель смог бы уловить мелодию «Подмосковных вечеров».

– Если б знали вы, как мне дороги... – Пробормотал хозяин квартиры, а это был именно он, и сделал решительный шаг в сторону ванной.

Тамара кинулась ему наперез:

– Это наша бригадирша моется. Она сегодня домой едет, вот и моется.

Тамара так старательно заискивала перед работодателем, что Петровичу стало как-то неловко.

– И мужским голосом поет? – уточнил хозяин. – Ну, ну...

– Да, она у нас женщина грузная. Басовитая.

– Ну, пусть моется, – устало сказал хозяин и вздохнул. Он окончательно перестал сердиться и выглядел очень растерянно.

– Есть проблемы? – ласково спросила его Тамара.

– Проблемы? Это катастрофа, а не проблемы. – Хозяин принялся загибать пальцы на белой профессорской руке. – Ремонт не закончен. В доме, можно сказать, сплошной апокалипсис, это раз. Рояль я продал – это два. Тетя из Швейцарии, которая сидит в машине, но сейчас придет сюда, все это увидит и услышит, – хозяин кивнул в сторону ванной, – и начнет задавать вопросы. Это три, четыре и пять.

– Ну, не продавали бы вы рояль... – начала Тамара.

– А квартиру бы я на что купил? Мне что, по-вашему, до пенсии в коммуналке обитать? Только-только жить начал, женился... А, ладно! Будь, что будет, свалим на российскую экзотику...

Хозяин махнул рукой и вышел из квартиры.

Тамара была явно расстроена, что опять-таки понравилось Петровичу, который ценил в женщинах отзывчивость, но тут дверь ванны раскрылась. Джигит вымытый и в хозяйском халате предстал предо всем обществом. Женщины захихикали, прикрыв лицо руками. Свежий кавалер являл собой поистине замечательное зрелище, так как халат не скрывал его могучих шерстистых форм и кинжала в ножнах дорогой работы, болтавшегося поверх трусов.

– Красавица, зачем плачешь? – Джигит принял сдавленное женское хихикание за всхлипы. – Ну, зачем тебе эти московские абреки, когда перед тобой сам Саид!

Петрович с облегчением вздохнул, поскольку этот перл восточного красноречия был явно обращен не к женщине его мечты, а к ее племяннице. Но тут снова послышался поворот ключа в замке. Гордый сын гор испуганно заметался по комнате и необычайно ловко залез в накрытый газетами диван.

Хозяин был на сей раз не один. Он торжественно вел перед собой худощавую, очень изысканную даму с кошкой на руках.

– Вот, тетушка, это, так сказать, мое паллацио, – сказал он, описав рукой полукруг.

– Как мило, мон ами, какие миленькие обои, какие славные девушки, – восторженно произнесла дама. – Так, они наши, дерзайцевские?

Профессор не успел ничего ответить, как Тамара, с максимальной изящностью сделав подобие реверанса, произнесла:

– О, неужели вы и есть наша дерзайцевская барыня?

Профессор совсем растерялся. Такого поворота сюжета он никак не ожидал. Сначала – телемастер, ковырявшийся в совершенно исправном телевизоре, потом бригадирша в ванной, а теперь эти странные малярши оказались к тому же еще и его землячками.

Заграничная тетя уверенно прошла по комнате и уселась на диван.

– Садись, племянничек, со мной, – пригласила она.

Профессор, выглядевший ей, скорее, братом, чем племянником, послушно сел рядом.

– И вы, девочки, садитесь, не стесняйтесь, я приехала из демократической страны, где выросла с простым народом.

Дама сняла перчатки, всем видом показывая, что решила остаться тут надолго.

– Тетушка, – начал профессор, которого явно не устраивало пребывание тетушки в разоренной квартире, – поедемте на дачу, там уже все собрались в честь вашего приезда...

Но профессор не успел договорить. Тамара открыла рот, однако, ничего на этот раз не произнеся, только показала пальцем в сторону коридора.

Он весь был наполнен одинаковыми мужчинами в пятнистой камуфляжной форме. Стоявший впереди всех поднял руку. Все присутствующие, кроме тетушки, безропотно легли на пол. Малярши и Петрович молча, а профессор со словами:

– Как же это я забыл закрыть дверь!

Тетушка же оставалась сидеть на диване. Она явно ничего не понимала.

– Да ладно, встаньте, граждане, что же вы все так нас боитесь? – сказал предводитель пятнистых.

Первым пришел в себя Петрович:

– Подкрепление мне больше не нужно. Все свободны, – сказал он, поднявшись.

– Что это вы тут командуете? Мы сегодня выходные. Это вообще какая квартира?

– Шестьдесят шестая, – угрюмо сказал профессор.

– Кругом! – скомандовал командир пятнистых. Вместо лиц они дружно продемонстрировали свои затылки.

– Ах, я поняла! – вдруг сказала тетушка. – Это спецназ, коммандос...

– Спецназ? – уточнил ученый племянник.

– А то! – загудели пятнистые и вновь развернулись лицами. – ОМОН!

– Bravo! – Тетушка подпрыгнула на диване от удовольствия. Диван отозвался звоном пружин и глухим стоном здорово перепугавшегося Саида. – Мы – заложники, и нас освобождают!

– А террористы тогда где? – решила уточнить Тамара.

– Да, что это, в конце концов, за наглость такая, сегодня все в моей квартире распоряжаются! – возмутился профессор. – Я пожалуй, куда следует.

– Да, ладно, папаша, – миролюбиво сказал главный омоновец. – Мы просто ошиблись этажом. Мы пришли на свадьбу нашего однополчанина. Не верите?

Профессор скривился.

Над вами один из наших живет, – продолжил омоновец, – у него свадьба сегодня. Мы ему ванну купили.

– А где она? – недоверчиво спросил профессор.

– Второе отделение по лестнице тащит, а то лифт у вас тесный. Сейчас предъявим, если не верите. Заноси! – крикнул он через коридор на лестничную площадку.

– Не надо! – испугался профессор.

– Ванна хорошая, джакузи называется.

Командир омовцев вздохнул. Его честная душа все еще была смущена недоверием. Видя такое затруднение, один из его спутников предложил:

– Командир, а давай, мы им наши стихи почитаем?

– Стихи, о, как мило, – обрадовалась тетушка, – я люблю стихи!

Омовцы заулыбались и вытолкнули вперед одного из бойцов.

– Давай, Серега! Сам написал, – пояснили они.

И Серега, стесняясь, начал:

– Люби жену свою в законе и умножай бойцов в ОМОНе!...

Глава 10

Запомните, пожалуйста, что я остановил свой рассказ на поэте-омоновце, так как вынужден ненадолго прервать историю Петровича. Оказалось, что путешествие на общественном транспорте для занятий коммерцией в какой-то степени имеет преимущества перед использованием личного автомобиля.

В автобусе ехало немного пассажиров, и когда мы с кошкой удобно расположились вдвоем на целом сидении, она очень выразительно потрогала лапкой одну из сумок, укоризненно посмотрела мне в глаза и сказала свое «мя».

Я понял, что животное проголодалось, достал красненькую мисочку и насыпал в нее разноцветных фигурок.

Кошка потерлась о мисочку щекой.

– Твоя, твоя мисочка, все тут твое, никто не отнимет, – успокоил я ее.

И кошка старательно захрустела.

Пассажиры все как один стали смотреть на нас. Наконец самая смелая тетка, одетая, невзирая на жару, в мужской пиджак, не выдержала и поинтересовалась, чем это я кормлю кошку?

Я принялся объяснять полезность и экономичность специальной кошачьей еды, а также гигиеничность и эстетичность кошачьей посуды.

Другая тетка в резиновых сапогах возразила, дескать, это баловство – покупать для кошки специальную еду, когда и так от обеда всегда остается и для кошки вполне хватит.

Я заметил, что живу один, обед не готовлю даже себе, и поэтому не стану же я специально варить его для кошки?

– Ясное дело, не станешь, – согласилась тетка.

– А если я буду покупать для нее рыбу или мясо, то потом остается грязь. А так – все чистенько, и кошка очень довольна.

В подтверждение моих слов Кошка опять сказала:

– Мя! – и замурчала.

Тетка в пиджаке недоверчиво покачала головой, повертела в руках мою коробку и спросила:

– А надолго хватает?

– На неделю.

– Это же, как комбикорм для курей! – произнес кто-то догадливый с другого сиденья.

Контакт был налажен, и к нам с кошкой уже пробирався сухонький старичок, которого сзади подталкивала маленькая девчушка. Из-за его спины она молча показала пальчиком на кошкину мисочку, и я сразу понял, что без мисочки дедушка ее до дома уже не довезет.

Девочка протянула руку и погладила Кошку. А Кошка, догадавшись, что сейчас она – королева этого автобусного бала, – элегантно выгнула спинку, потянулась и потерлась о девочкину щеку. У меня мелькнула мысль: как бы мне, чего доброго, не расстаться со своей замечательной спутницей.

– Сынок, – сказал дед, – продай мне мисочку. Так уж она внучке понравилась. Вдвоем ведь без бабки живем.

Мне стало ужасно жалко деда. Я привык иметь дело с такими же, как и я, торговыми людьми, а тут надо было продавать старику миску, цена которой потрясла бы его, может быть, в последний раз. Тем более – бабки у него нету... Мне вдруг сделалось удивительно неловко. Но, с другой стороны: коммерция – есть коммерция.

Неожиданно мне на помощь пришла пиджачная тетка.

– Мой дед тоже кошаков любит. Он четырех держит: Барсик, Мурзик, второй Барсик рыжий и Султан, – сообщила она всем. – Ты, парень, продай мне одну коробочку этих сухариков, у тебя вон сколько, а мой-то порадует, коли они все вокруг него захрустят.

Я сказал, что корм, в общем-то, дорогой, но уж, если она так хочет позабавить мужа, то одну коробочку я ей уступлю, и назвал цену. Тетка сначала удивилась, потом наморщила лоб, видимо что-то соображая, и, наконец, сказала:

– Я деду две поллитры взяла, а скажу, что одну, а вместо второй – для его же котиков подарок, – она заговорщицки подмигнула мне. – А вторую я на потом спрячу.

Я достал ей коробку, она отдала мне деньги. Тетка в сапогах порылась в кошельке и тоже попросила две коробки:

– Для моих огольцов забава. Уж так вредно кошка комбикорм свой грызет, прям, как в телевизоре.

Ко мне стали подходить и другие пассажиры. Одна коробка – вроде и недорого, а зато невидаль: корм для кошек, кто бы мог подумать? Соседи придут, а у меня она, как у буржуев, специальную жратву трескает, ни у кого нет, а у меня – вона что, размышляли они, как бы оправдываясь друг перед другом, и доставали деньги.

Я делал вид, что корм нужен мне самому, но вроде как люди хорошие, то и отказать неудобно. Дед с внучкой тихонько присели на заднее сидение. Девочка продолжала что-то шептать деду, а старик отрицательно качал головой.

На редких остановках входили и выходили пассажиры. Многие были знакомы друг с другом, и обладатели только что приобретенной диковинки показывали коробки друзьям, и те уже сразу спешили ко мне, протягивая деньги. А Кошка тем временем сидела на руках у девочки. Неожиданно в сумке оказалась всего одна пачка, и я сказал, что все, больше делиться ни с кем не могу, а то моя Кошка останется голодной.

Но тетка в пиджаке строго сказала:

– Не кобенься, парень, у тебя вторая сумка есть.

Несмотря на весь азарт и удачную торговлю, я понимал, что мне нельзя приехать в вождь-ленное Дерзайцево с пустыми руками, поэтому оставался непреклонен. Про себя же решил: я имею право позволить себе благотворительность и подарить последнюю коробку и мисочку дедовой внучке.

Но я боялся, что они выйдут, и я не успею их облагодетельствовать, а оставаться в памяти моих простодушных попутчиков жадным и несговорчивым человеком мне не хотелось. И я спросил девочку:

– А как зовут твою кошку?

Девочка хихикнула и спряталась за дедушку. Дедушка улыбнулся и прошамкал:

– У нас кот, Васечка.

Я протянул им последнюю пачку корма и желанную для девочки мисочку:

– Вот, передайте, пожалуйста, вашему Васечке от моей Кошки с наилучшими пожеланиями.

– А как ее зовут? – спросила девочка, возвращая мне кошку, но тут наш автобус резко затормозил.

Глава 11

На дороге, вернее поперек нее, стояла старая-престарая «Волга», а рядом с ней отчаянно ругались мужчина и девушка.

Водитель вылез разбираться, за ним вылезли и все пассажиры. Разборка закончилась тем, что мы дружно начали двигать «Волгу» на обочину. Толкал ее и я, правда, с кошкой на руках. Поэтому от машины я оказался далеко, а от ее хозяев – близко.

– Ну, что ты суетишься, – бубнил мужчина. – Ну, прикинь, куда она, старая дура, денется?

– А вдруг помрет? – зло сказала девушка.

– Да ничего с ней не будет, там же холодильник, пожрать-то найдет.

– Но без машины мы и к последнему парому не успеем, – проныла его спутница.

– А чего торопиться, горит что ли? – очень резонно заметил мужчина.

– У тебя вечно так: как виноват, так нипочем не признаешь...

– Я виноват?

– Не надо было свою колымагу так гнать, теперь ее уж и не починишь!

– Ладно, Клава, другую купим...

Неожиданно девушка потрогала меня за плечо:

– Молодой человек!

– Я обернулся.

– Это ваша кошка?

Я знал, что не моя, но ведь все, кто ехал со мной в автобусе, были уверены, что это было не так.

– Ну! – решительно сказал я.

– А почему у нее здесь буквы «К.Т.»? – язвительно спросила девушка, нахально схватив Кошку за ошейник.

– Потому что я – Константин Тимофеевич!

Я дал понять, что дальнейший разговор исключен, на нас уже заинтересованно оглядывались все пассажиры. Девушка сникла.

– Простите, – сказала она.

Я с обиженным видом гладил кошку, а они с ее спутником продолжили свой разговор, но уже гораздо тише.

– Ну, что? – спросил мужчина.

– Это ее кошка...

– Клево, Клава!

Мужчина явно повеселел. Шофер и пассажиры уже перекурили после перемещения на руках транспортного средства с проезжей части на обочину, и стали забираться в автобус. Подобранный на дороге парочка, не боясь покусения на свою «Волгу», тоже залезла вместе с нами. Они уселись на заднее сидение, и, поглядывая то на меня, то на мои товары, продолжали шептаться.

Я же, в свою очередь, полагаю, что могу продолжить историю Петровича. Ведь, если я приеду в это Дерзайцево раньше, чем все расскажу, то вам будет непонятно, почему Петрович перестал охранять народную собственность, а обзавелся своей.

Глава 12

Итак, вернемся к нашим омовцам. После их ухода тетушка очень удивилась самому наличию Петровича, поскольку она знала, что в Дерзайцах раньше негры не водились. Хозяин же сказал ей, что это – телемастер, человек он не дерзайцевский, а городской, и вообще, можно сказать, неизвестно откуда здесь взявшийся, поскольку японские телевизоры просто-напросто не ломаются.

Затем все опять расселись на диване, и Петрович подумал, что Саид там в конце концов задохнется. Но тут тетушка всплеснула руками и заявила, что, конечно, телевизор – это очень по-европейски, но ведь раньше люди как-то без него обходились, читали друг другу стихи, как тот милый молодой человек, или музицировали, и, если племянник ей позволит, то она с удовольствием сыграла бы что-нибудь подходящее на их фамильном рояле.

На слове «рояль» Петрович снова насторожился. А хозяин сказал:

– Давайте-ка, тетушка, поедем прямо на дачу...

– А, что, рояль там? – наивно поинтересовалась она.

– Знаете, – вздохнул хозяин, – мне бы не хотелось говорить на эту тему при посторонних.

– Да это же наши дерзайцевские крестьянки! А телевизионного мастера мы можем попросить пойти на балкон посмотреть, дождь не собирается ли?

– В самом деле...

Хозяин выразительно посмотрел на Петровича, и тот послушно пошел в указанном направлении.

– Так что же произошло с роялем? – упрямо поинтересовалась тетушка.

– Я, видите ли, не так давно женился. И мы с женой его продали, – признался наконец профессор.

– Кому?

– Да Стаське Малосольцову. Хотя, какой он теперь Стаська. Станиславу Николаевичу. Учились мы вместе.

– Но это же вещь конца восемнадцатого века! И к тому же редкой красоты. Она украсит любой интерьер!

Тетушка явно огорчилась.

– Вы, тетушка, жили в Швейцарии, а мы – в коммуналке, и у нас был такой интерьер, что рояль стоял у стенки боком!

– Боже мой! А что еще стояло в этой квартире боком? Тут, кажется, достаточно места.

– Да не в этой, а в старой, эту-то мы и приобрели благодаря роялю!

– Я не понимаю, – виновато сказала тетушка. – А где же тогда живет Станислав Николаевич?

– Станислав Николаевич живет в своем доме. Он очень преуспел и поэтому купил у меня рояль!

– А почему же ты не преуспел? Мне казалось, что, раз ты профессор, то очень даже преуспел...

– Потому что я жил в такой тесноте, что даже кошку не мог завести, а не то, что жену, и поэтому занимался наукой. А Станислав Николаевич женился на первом курсе, родил тройню и занимался протезированием. Теперь трое его сыновей тоже занимаются тем же самым.

– А наукой? – спросила тетушка, ощупывая свою нижнюю челюсть. – Они совсем не занимаются?

Петрович на балконе, явно не страдая отсутствием слуха, очень обрадовался. Хотя рояля в квартире действительно не было, но в руках оказался его след. В общем-то, ему можно было теперь уходить отсюда. Но в комнате еще оставалась прекрасная Тамара, а внизу под балконом

все еще стоял тот же роскошный кадиллак и тот же форд, и его обитатели опять покуривали на улице. Рядом же с ними примостился зеленый, судя по всему профессорский, «жигуленок».

От изучения транспортных средств Петровича оторвал голос профессора, отдававшего распоряжения маляршам, а последние слова, что он тут никого не задерживает, относились явно к Петровичу. Но Петрович сделал вид, что не расслышал, любуясь пейзажем, окружающим обычный спальный район. Затем он почувствовал спиной, как профессор с тетушкой уходят, потом увидел, как они садятся в свою машину и уезжают. Убедившись, что зеленый «жигуленок» скрылся из виду, Петрович обернулся.

Глава 13

Женщины уже тащили из дивана слезавшегося там джигита, причем особенно старалась племянница, а Тамара махала Петровичу рукой, приглашая помочь. Наконец Саид обрел свободу, и Петрович вошел в комнату.

– Эти собаки еще там? – спросил Саид, указывая в сторону балкона.

Петрович кивнул.

– Э... – заскрипел зубами джигит, но, взглянув на женщин, не развил свою мысль.

– Что же делать? – растерянно спросила племянница Тамара.

Тамара думала недолго.

– Я считаю, что всем нам не мешало бы закусить, – сказала она.

Петрович опять обрадовался, на это раз, ее находчивости.

– Я сбегая, – вызвался он.

Джигит же похлопал себя по бокам, достал из-за пазухи пухлый бумажник и молча протянул его телемастеру.

– А ты говорил, что у тебя денег нет, – заметил Петрович.

– Это – не деньги – это так, попить-покушать. Когда деньги есть, их в кармане не носят.

Петрович задумчиво поглядел в ведро, в котором все еще проклеивался джигитский пистолет, махнул рукой и пошел в магазин.

Когда он вернулся с пластиковыми авоськами, полными снеди, женщины уже привели себя в порядок и накрыли на кухне стол, воспользовавшись хозяйской посудой. Тамара снова очень порадовала Петровича и пергидрольными кудряшками, и, главное тем, что на коленях у Саида сидела не она, а ее племянница, которую, как уже выяснил Саид, зовут Лена.

Петрович так хорошо запомнил этот чудесный ужин, что пересказал мне под «рояль» все тосты неудачливого Саида, но вот тот решающий момент, когда они с Тамарой оказались временными владельцами профессорского дивана, Петрович вспомнить не мог.

На рассвете Саид, деликатным кашлем вызвал Петровича на кухню и попросил его посмотреть с балкона, на месте ли собаки? Собаки были на месте – их ноги торчали изо всех дверей форда.

Тогда Саид ошаршил Петровича невероятным по своим масштабам предложением.

– Слушай, я тут, а они там? Так?

– Так, – согласился Петрович.

– Пока они там – мне смерть?

– Смерть.

– Откуда они знают, что я здесь?

– Машина твоя внизу. Ты такую машину не бросишь

– Конечно, не брошу. Отдам.

– Кому?

– Тебе.

– Как?

– Так. Бери, ты – хороший человек. Ты – смелый человек. Ты уедешь, а собаки – за тобой.

Пока разберутся – я уйду. Тебя убивать не будут, им тебя не заказывали.

– А как я ее тебе верну? – спросил честный Петрович.

– Совсем бери. Подарок! Саид подарков назад не берет – обижается и убивает. Сразу.

Саид протянул Петровичу ключи. И тогда, понимая, что это ключи от его неизбежной новой жизни, Петрович впервые произнес ставшую потом привычной фразу:

– Мне надо посоветоваться с женой!

Не успел он ее закончить, как в кухню вошла Тамара и сказала довольно недвусмысленно:

– Я согласна!

Петрович взвыл и исполнил такой огненный танец, которому позавидовали бы все специалисты по творчеству африканских народов.

Надо сказать, что Петрович сначала все-таки хотел позвонить куда следует и сдать всех «собак» из форда, но потом рассудил, что вместе с ними заберут и Саида, и саидов кадиллак, который тогда ему ни за что не достанется. А чтобы заработать на такую машину ему бы пришлось горбатиться до пенсии. Причем, по меньшей мере, дважды, а жизнь у Петровича, как и у всех людей на земле, только одна. И он решился, тем более, что та, которую он встретил, уже была согласна, правда, еще не очень понятно, на что.

Если бы мне пришлось снимать фильм про все это, я бы обязательно показал погоню темно-синего форда за серебристым кадиллаком, но на самом деле, все было совсем по-другому.

Петрович с Тамарой очень тихо вышли из дома, с еще большими предосторожностями Тамара уселась в машину, а Петрович смело подошел к форду и вынул из одного кармана табельное оружие, а из другого – свои милицейские документы. Потом он постучал по форду пистолетом. «Собаки» мгновенно продрали глаза и попытались что-нибудь предпринять в ответ, но черненький глазок пистолета заставил их поднять руки.

– Всем петь! – скомандовал Петрович. – И не двигаться!

Полусонные «собаки», увидев негра с пистолетом, от неожиданности что-то завывли вразнобой, а Петрович быстро оказался за рулем кадиллака и, рванув с места, на третьей скорости помчался по пустынным улицам.

Только через четверть часа он немножко пришел в себя и понял, что сбылась его мечта – он едет куда-то с любимой женщиной на такой машине, какие показывают только в кино. Правда Тамара при этом переживала вслух, что она бросила родную племянницу вместе с этим бандитом, но ведь кто-то же должен был доделывать ремонт у профессора!

Глава 14

На чудесно обретенном кадиллаке Петрович с Тамарой, погрузившись в самую глубокую российскую глубинку, через несколько дней приехали в село Большое и остановились в местном Доме рыбака, где Тамара, оказывается, трудилась буфетчицей, а ремонтами в столице, благо та была всего в нескольких часах езды, они с племянницей только подрабатывали.

И вот судьбы распорядилась так, что Тамара стала женой Петровича и владелицей этого Дома рыбака, который путем обмена на кадиллак и модной тогда приватизации превратился в отель, получивший гордое название «Тамара».

– За сбычу мечт! – заплетающимся голосом провозгласил Петрович, явно завершая свой рассказ и выдавливая из бутылки последнюю каплю «рояля».

Но мне еще нужно было как можно подробнее узнать про кошачий рай, поэтому я и поспешил спросить:

– Что же стало с профессорской тетушкой?

– Да она же сегодня утром с Клавкой к нам заезжала и кошку свою где-то забыла, – неожиданно вразумительно сообщил Петрович.

– А вообще? – Я задал наводящий вопрос.

– А вообще она в Дерзайцах кошачью ферму держит, понял? – И, чтобы мне было именно понятнее, он добавил: – Коты у ей в домиках вроде твоих живут, а Клавка их кормит, шалава. Мужик у ей – Генка, у него – «Волга». На ней оба ездют.

Клавка-шалава, а тем более «ейный» Генка тогда совершенно не интересовали меня, но нужно было, чтобы Петрович еще что-нибудь рассказал о Дерзайцевской котовладелице, и я решил перевести беседу в научное русло.

– А, знаешь, Петрович, я думаю, что она их изучает. Есть такая теория, что люди произошли не от обезьян, а от кошек, – задумчиво сказал я.

– Кошки, мартышки! – скривил черную физиономию Петрович. – Еще скажи, что от пингвин, блин!

Он замахал руками как крыльями, но, не удержав равновесие, опрокинулся на спину. В следующую секунду я услышал его храп.

Я подумал, что надо бы прогнать его с моей кровати, но в кресле было так удобно, и я решил еще немножко в нем посидеть. И как-то сразу уснул и увидел тот самый остросюжетный сон про Цезаря и никогда не стоявшие в Москве памятники.

Но, позвольте, что же это получается? Я, значит, еду себе, ничего не подозревая, в рейсовом автобусе, торгую, занимаюсь мелкой благотворительностью, а сзади меня со своим ухарем движется в одном со мной направлении эта самая Клавка!

Они спешат на какой-то паром, в то время как «старая дура», которая никуда, по генкиным словам, не денется, может, по клавкиному предположению, взять да и помереть. То есть, только вчера дерзайцевская дама с Кошкой и Клавкой, которая «ейных, понял, котов кормит», заезжали в петровичеву «Тамару», а потом она так быстро уехала, что забыла именно эту самую Кошку, с которой никогда не расстается. И Кошка, голодная и брошенная, целый день шипела на всех, а со мной подружилась, потому что у меня была привычная для нее еда!

Но из разговора Клавки с кавалером выходило, что с дерзайцевской дамой определенно что-то стряслось. Надо будет срочно из Дерзайцев связаться с Петровичем, который хоть и поглупел от спокойной жизни, но ведь он, как-никак, когда-то работал в следственных органах и специально учился ловить преступников!

Глава 15

Дерзайцы, разумеется, были конечной остановкой автобуса. Едва я со своей огромной сумкой, которая по счастью, осталась у меня только одна, ступил на землю, размышляя над тем, откуда бы мне позвонить Петровичу, как вдруг Кошка, уютно сидевшая все время у меня на руках, вырвалась и побежала. Я побежал за ней.

А она бежала и бежала. Я чуть было не потерял ее из виду, но вдруг она остановилась и села. Я почти схватил ее, однако она выгнулась и со своими словами:

– Мя, мя! – побежала дальше.

Потом опять позволила себя догнать, а потом опять побежала. Она знала, куда надо было бежать, и звала меня за собой!

Дом профессорской тетушки я бы, пожалуй, узнал и сам, без помощи Кошки. Она на секунду присела у низеньких воротец, а потом с радостным мявканьем понеслась по мощеной кирпичом дорожке и вскочила в открытую дверь. Затем оглянулась и посмотрела на меня. Она явно приглашала меня в дом.

Со своей спекулянтской сумищей я с трудом протиснулся в дверь и оказался в гостиной. По периметру этой просторной и светлой комнаты были устроены специальные антресоли с лесенкой, на которых аккуратно и симметрично стояло множество кошачьих домиков. Рядом с каждым – мисочки с кормом и питьем, а за домиками на противоположной стороне от входа, находилась стеклянная галерея или, может быть, лоджия. Я поднялся по лесенке и заглянул туда. Там стояло несметное количество кошачьих туалетов с самым дорогим голубым наполнителем, напитанным запахом лимона!

Часы в гостиной заурчали и начали бить. Их бой вывел меня из состояния раздумья и созерцания сортиров элитных домашних хищников. Даже не сосчитав, сколько пробило, я поставил на пол свою сумку, а Кошка, мгновенно воспользовавшись этим, прыгнула мне на руки. Я погладил ее и, спустившись с антресолей, направился через веранду в гостиную.

Гостиная была как гостиная, с камином, толстым ковром и, как это принято в богатых телесериалах, диваном посередине. Но во всех шкафах, шкафчиках и витринках, на всех полочках и горизонтальных поверхностях, размещавшихся вдоль стен, стояло необыкновенное количество кошачьих фигурок из дерева, хрустала, металла, стекла, камней и вообще из всего, что можно использовать в качестве материала для художественного кошкотворчества. На всех же свободных пространствах стен красовались картины, эстампы и гравюры с сюжетами из жизни разнообразных мурок и барсиков.

Рассматривая все это, я передвигался по гостиной очень тихо, в чем мне хорошо помогали лежавшие на ковре мохнатые ковры, чувствуя себя прямо-таки Джеймсом Бондом, у которого, впрочем, вместо «Вальтера ППК» была на руках кошка, атрибут, присущий не самому отважному агенту 007, а его главному врагу – начальнику тайной и зловредной международной организации «Спектр».

И вдруг я услышал два приглушенных голоса.

– Ты, идиотка мокрохвостая, сколько здесь работаешь, а как старая ведьма сейф открывает – не знаешь, – злобно шептал тот, что принадлежал мужчине. – И почему я вечно с такими дурами связываюсь, никакого проку от баб, давно надо было от вас обеих избавиться и самому сейф брать!

– Давай, дурак, давай, – возражала ему женщина. – Не слышал, что ли, сколько пробило? Сейчас ее абрек вернется, и нам конец. Он, знаешь, какой? Он не спрашивает – стреляет, и все тут...

Голоса шли из полуоткрытой двери спальни. Я также тихо подкрался к ней и заглянул внутрь.

Слева от большой кровати стояли двое. Я тут же узнал в них парочку, подсевшую на дороге в автобус из завязшей в грязи «Волги». На стене размещался объект их усилий – эстамп с изображением моей знакомой кошки. Судя по произведенным вокруг разрушениям, они безуспешно пытались оторвать его.

– Мя, – сказала Кошка, не слезая с моих рук, и повторила этот звук почти угрожающе. Двое обернулись.

– Грабят! – Крикнула Клавка и мгновенно выпрыгнула в окно.

Грязно выругавшись, ее компаньон последовал за подругой.

Все произошло так стремительно, что я, почувствовав колоссальную усталость и тоску, опустился на хозяйскую кровать.

– Эх, Кошка, Кошка, что же тут творится? – вздохнул я.

Кошка встала передними лапками мне на плечо и полизала щеку. От кошачьей ласки я чуть было не заплакал. Я был в чужом доме, который только что пытались ограбить. Где его хозяйка – неизвестно, что с ней происходит – тоже. Следы ограбления – налицо, сюда вот-вот должен явиться страшный абрек, который стреляет без предупреждения. И как я смогу объяснить, что я здесь случайно? И как мне быть с хозяйскими кошками, ведь пока они сыты, все в порядке, а ведь заголодают – начнется вой. И что мне вообще теперь делать: сидеть здесь или возвращаться к Петровичу, а если возвращаться, то как? Да и о пропаже хозяйки надо бы заявить...

Кошка ласкалась ко мне и громко мурчала, и это было единственным утешением в моих дурацких обстоятельствах. В открытое окно налетела куча комаров. Я поднялся с кровати, закрыл окно, с Кошкой на руках подошел к этому злосчастному эстампу, за которым, судя по всему, скрывался таинственный сейф с хозяйским богатством, и тупо уставился на висевший передо мною Кошкин портрет.

– Ну, и что теперь? – спросил я у Кошки, продолжавшей сидеть у меня на руках.

– Мррря! – деловито ответила она, и вдруг эстамп сам сдвинулся с места и открылся, как дверца.

За ним действительно оказался очень маленький сейф. Я заглянул в него и увидел стопку перевязанных ленточкой писем, небольшую пластиковую папку и стоявшую сверху еще одну кошачью фигурку. Я взял ее из сейфа и начал рассматривать. Неужели же она настолько бесценна, чтобы хранить ее в сейфе? – подумал я.

Но она действительно была необыкновенна. Столь удивительной работы я еще не видел: кошка, вырезанная из какого-то камня таким образом, что его узор образовывал как бы узор шерсти животного. Причем, он был очень мне знаком: белое тельце с белыми же лапками, кошковая спинка, шапочка и полосатый хвост. То есть это была еще одна, но только каменная, моя усатая приятельница!

И тут сейф закрылся. В ужасе я поставил каменную кошку на туалетный столик, а живую – машинально взял на руки. Она замурчала, и сейф так же неожиданно открылся вновь. Присутствие рядом кошки явно действовало на него магически.

Я опустил мурчащую кошку на пол – сейф закрылся. Я поднял ее, и сейф открылся, опустил – он закрылся опять.

– Э, уважаемый! – громко сказал кто-то.

Я обернулся.

Глава 16

Проём двери занимал крупный мужчина той самой фантастической «кавказской национальности» с очень настоящим и очень внушительным пистолетом в руках.

– Слушай, дорогой! – Его пистолет был насторожен явно не дружески, но в голосе мужчины не чувствовалось особенной угрозы. – Я уже полчаса твои упражнения изучаю. Не в своем доме, между прочим, находишься...

Я промычал что-то в ответ и опустил Кошку на пол. Она подошла к джигиту и по-приятельски потерлась о его ноги. Я сел на пол и понял, что жить отныне я теперь всегда буду только в больнице имени Кашенко, если, конечно, вообще выберусь отсюда живым.

Джигит взял с туалетного столика статуэтку, потом с пола – сразу замурчавшую Кошку, и подошел с ней к сейфу, который послушно открылся. Он поставил статуэтку на место и наклонился с пистолетом надо мной. Кошка сказала:

– Мя! – потерлась о мою руку, посмотрела на меня, потом – на джигита и еще раз сказала: – Мя!

Сейф закрылся.

– Ну, раз ты так считаешь, – сказал джигит кошке, – я не буду его убивать. Вставай дорогой, все-все Саиду расскажешь.

Он убрал пистолет в карман.

В этот момент, единственный, впрочем, раз в жизни, я пожалел, что не женщина. Почему? Да потому, что женщина уже давно упала бы в обморок, и мысли о дальнейшей роли в ее жизни психбольницы женщину бы больше не беспокоили. А мне пришлось подняться с пола и на ватных ногах в полном, но несколько помутившемся сознании, отправиться вместе с Саидом в гостиную.

Там он усадил меня в кресло, налил коньяку и сел напротив. Кошка тоже села на отдельное кресло и стала внимательно наблюдать за тем, что происходило между нами.

– Ну, скажи, дорогой, что мне с тобой делать? – спросил Саид.

Меня тронуло его ласковое обхождение с потенциальным грабителем, но в моей бедной голове не было по этому поводу никаких мыслей.

– Я бы поел чего, – сказал я.

Саид захохотал. Кошка выгнулась и сказала:

– Фрр.

– Ну, ты даешь, дорогой, раз пограбить не удалось, так хоть поесть дайте?

– Я не грабить пришел. Я кошачьим товаром торгую.

– Каким-каким?

– Корм, домики, шампунь. – Я начал приходить в себя. – Там, на галерее моя сумка, можете сходить, посмотреть.

– Да, да, да. – Саид понимающе подмигнул мне. – Я пойду, а ты убежишь. Нет, не обманешь.

– Ну, давай, вместе ходим.

Я с тоской подумал, что придется вставать из удобного кресла, и вздохнул.

Саид оценивающе посмотрел на меня, достал откуда-то веревку и со словами:

– Ладно, седи, уж, – начал приматывать меня к креслу.

– Да не убегу я.

– Сиди, – строго сказал Саид и отправился на галерею.

Кошка посмотрела на меня и одобряюще сказала:

– Мя.

Но мне было уже все равно. Вдруг я услышал, как к дому подъехала машина.

– Саид, – позвал я. – Кто-то приехал!

– Слышу, не глухой, – отозвался Саид.

С моей огромной сумкой он лихо спрыгнул с галереи. В руке у него снова был пистолет. В гостиную вошел Петрович.

– Петрович! – крикнули мы с Саидом в один голос.

– Здорово, мужики, а это еще что? – Петрович с изумлением посмотрел на обмотанные вокруг меня веревки.

– Грабителя поймал, дорогой! – с сияющим лицом отрапортовал Саид.

– Совсем спятил от усердия, это же мой постоялец, понял! Ты, Котофеич, не бэ, я тебя сейчас освобожу, понял?

Петрович принялся разматывать мои путы. Саид что-то бормотал, но Петровича при этом не останавливал.

– Петрович, – сказал я. – Как хорошо, что ты догадался приехать, ты, случайно, не на моей машине?

– А ты ключи оставил? Это Томка, понял, ехать мне велела, ехай, говорит, Петрович, Калерию проведай, а то мне что-то неспокойно.

– А хозяйки нет, – заявил Саид.

– Как нет? Где ж она? – Петрович даже забыл про свое «понял». – Они же вместе вчера с Клавкой приезжали. Где же Калерия? – насторожился Петрович.

– Не знаю, дорогой. – Саид развел руками. – Я сам только сегодня из Рыбова приехал.

– Ну, работничек, понял? – сказал Петрович. – Что тебе в Рыбове было делать, дом-то разве можно пустой бросать?

– А я не бросал. – Саид резво занял оборону. – Я на сутки отпросился. Ленку вчера в роддом отвез, а утром – в Рыбов.

– Что ты все про этот Рыбов твердишь, что там у тебя за дела? – начал сердиться Петрович.

– Там один мужик коня продает, я смотреть ездил.

– Конь-то тебе на что?

– Ты, пойми, дорогой, сын родится – конь нужен! – Саид даже взглянул на меня в поисках поддержки.

Петрович хлопнул себя по бокам и произнес:

– Ну, зачем дитю конь? Вырастет – машину купишь.

Саид согласно закивал:

– Куплю, когда вырастет, а маленькому обязательно живой конь нужен. Живой! – Саид показал руками живого коня.

– Купил?

– Нет, плохой очень. Я в другое место поеду, но куплю. Мне хозяйка сарай для коня обещала.

Петрович почесал кудрявую голову и спросил:

– А ты, Котофеич, что молчишь? Неужели, правда, грабить решил? Я к тебе со всей душой, а ты...

– Петрович, – обиженно сказал я. – Я тут такого натерпелся в твоих хваленых Дерзайцах, что лучше бы мне про них в жизни не слышать.

– Ну, ладно, это я так, для порядка, понял? Мы вот сейчас еще коньячку хлопнем, и ты нам все расскажешь. А мы с Саидом послушаем.

Глава 17

И я рассказал Петровичу и про торговлю в автобусе, и про то, как мы по дороге встретили Клавку с хахалем в сломанной «Волге», и что они говорили о пароме, и как пытались открыть загадочный сейф, и что я их спугнул, а потом сейф начал открываться от кошачьего мяуканья.

Саид тут почему-то заржал, видимо пытаясь таким образом компенсировать отсутствие у него в данный момент столь желанного скакуна.

– Ты, Саид, кончай ржать, понял? – строго сказал ему Петрович. – Говоришь, они на паром спешили? – обратился он ко мне.

– Да, и говорили, что хозяйка еду найдет в холодильнике.

– Ну, делать нечего. Поехали, Котофеич, Калерию выручать, понял?

Петрович поднялся с кресла.

– Куда? – спросил я.

– Да, есть тут один городок за рекой, а через реку как раз – паром, по-другому туда никак не попасть. – Он повернулся к Саиду. – А, ты, Саид, нас здесь жди, никого в дом не пускай, а кошку пуше всего береги, понял?

– Ладно, дорогой, езжай, я тут дело найду, котов покормлю. – Видно было, что мы ему уже надоели. – Я ж не знал, что Клавка меня надует, вроде за ум взялась, хахалю завела путевого – на «Волге» ездит, в музее работает.

– Так, так! – Петрович сделал стойку. – Что же ты раньше-то ничего не говорил про хахалю Клавкиного?

– Ты бы спросил.

– Я и спросил, понял?

– Ты бы раньше спросил, а ты сейчас спросил. Я тебе сейчас и говорю. – Саид как бы обиделся. – Да ты его знаешь, он у тебя в Доме рыбака жил, а потом, когда вы с Тamarой там гостиницу сделали, ему негде жить стало. Он музей в Мышеславле сторожить устроился. Ну, вспомнил его что ли? Такой дохлый с виду. – Саид попытался изобразить руками дохлого Клавкиного хахалю.

– Это что ли тот самый хлыщ подзаборный?

– Может и был раньше подзаборный, а теперь какую-никакую тачку сам себе справил, не то что некоторые кудрявые, – сказал Саид.

Петрович обиделся.

– Ты меня своей тачкой не кори, понял? Если бы не я, то неизвестно, был бы ты вообще жив. Понял? Свои чернозадые тебя безо всякого рэкета б кончили, понял?

– Я – чернозадый? Да ты на себя посмотри! Морда эфиопская! – Саид начал заводиться вполне серьезно.

Тут до меня наконец дошло, что это – тот самый Саид, который ради своего спасения отдал Петровичу серебристый кадиллак! Значит, это он охраняет теперь дерзайцевских кошек! И еще я понял, что этот спор о цвете кожи – старый, и будет значительно лучше, если я сейчас Петровича быстренько отсюда уведу.

– Давай, Петрович, поехали, а то вон времени-то сколько. – Я стал подталкивать его к выходу.

Даже усаживаясь в машину, Петрович не унимался и все выплескивал свои соображения по национально-расовой проблеме.

– Есть хочешь? – наконец сказал он, заведя мотор, – на, вот, Тamarкиных бутербродов пожуй... Ну, что, тронулись?

– Эй, стойте! Кошка за вами бежит! – раздался с крыльца дома голос Саида.

Мы остановились, Петрович открыл дверцу, и наша Кошка с ее довольным «мя» запрыгнула мне на колени. Я предложил ей кусочек колбаски, она вежливо полизала, а потом попыталась зарыть его у меня же на коленях, и, произнеся:

– Ффуу-мя! – перебралась на заднее сидение.

И мы, наконец, двинулись в Мышеславль.

Глава 18

Белая ночь, наконец, кончилась, и ненадолго наступила самая настоящая, но более неподходящего времени она не могла изобрести. В полной темноте мы подъехали к пристани парома. Он был на той стороне, и, судя по всему, возвращаться до утра не собирался.

– Пойду за лодкой, – сказал Петрович.

– Куда?

– Есть тут, понял, один знакомый. А ты стой у машины, никуда не уходи, а то опять потеряешься. Куда среди ночи едем, сами не знаем...

Я хотел было возразить, что поехал искать кошачий рай по его же собственной рекомендации, и теперь тоже не по своей воле увязался с ним в этот Мышеславль, но Петрович уже скрылся в темноте.

Где-то, скучая, залаяла собака, а я стоял, облокотившись на машину, и слушал звуки ночной реки. Есть, конечно, в этом что-то романтическое – стоять вот так ночью у переправы с кошкой на руках и пытаться понять, какого лешего тебя сюда занесло, а где-то в московской квартире ждут, не дождутся чистая постель и ванная комната с турецким душем и китайским полотенцем.

От этих мыслей меня оторвали громкие всхлипывания, перешедшие затем, судя по всему, в ни к кому не обращенные высказывания:

– У, гад, так я и знала, что бросит, ему бы только деньги, а сама я плохая, да, дура, да, плохая, уу...

– Кто здесь? – спросил я.

Плач прекратился.

– А ты кто? – отозвался женский голос.

– Да иди, иди сюда, не бойся. Я – Костя.

– А я – Клава.

– Ну, иди, Клава, а то я с места сойти боюсь, мне нельзя потеряться.

Плакальщица вышла из темноты и прекратила причитания.

– Ой, да вы на машине! Что же вы в темноте стоите? Можно же в машине сидеть со светом.

Это была та самая Клавка-шалава. Кошка у меня на руках сидела молча, и мне пока очень не хотелось, чтобы она замурчала. Если Клавка в темноте пока меня не узнала, то «мя», заставшее ее и Генку прыгнуть в окно, ей еще долго не забудется.

– А что, Клава, ты тут одна так поздно делаешь? – нарочито дружелюбно спросил я.

– Мне на ту сторону надо, я парома жду.

– Паром – это хорошо. – Я старался говорить как можно более рассудительно. – Только вот почему наша Клава-то плачет?

– Я уже больше не плачу.

– А все-таки, какое такое горе у нее приключилось?

– Вы никому не скажете? – Она на мгновение замолчала, а потом, всхлипнув, добавила: – Меня Генка бросил, гад.

– Ну, ты не переживай так. – Я погладил ее по волосам, она опять всхлипнула. – Ты себе другого найдешь.

– Не, такого не найду. – Она дернула головой. – Он моряк.

Очень хорошо, подумал я, ты-то нам, голубушка и нужна, ты-то нас к Калерии и приведишь, а вслух сказал:

– Где ж он плавал-то?

– Он боцманом был на «Челюскине», а когда они в тот рейс собирались, ну, когда на льдине застряли, то он должен был в отпуск идти, а сам грузы принимал, и его в трюме с мешками забыли, и вспомнили только на льдине, ему всегда не везло.

– Сколько же ему лет, если он служил на «Челюскине»? – невольно поинтересовался я.

– А что? – насторожилась Клава.

– Ну, интересно... Мне кажется, что он для тебя староват.

– Правда, много ему лет, – вздохнула Клава. – Тридцатник, но он очень даже молодо выглядит.

– Как он выглядит, я тебе верю. Что там дальше на льдине-то было?

Я не знал, как ее задержать и не вспугнуть до прихода Петровича, которого она наверняка узнает сразу.

– На льдине он сразу главным стал. Они там все растерялись, а он мачту на льдину поставил, чтобы можно было курс держать, и по радио стал с Москвой разговаривать. Он их всех и спас, потому что за ними сразу Гагарин с Чкаловым из Америки прилетели, а ему опять не повезло.

– Как же не повезло, если он там всем командовал. – Ну, и фантазии у вас, сударыня, подумал я.

– Да, когда их всех загрузили в аэробусы, а он садить помогал, то про него опять забыли.

Он один-одинешенек на льдине остался.

– Они, что, радио тоже забрали?

– Все забрали, все как есть. Одну воблу сушеную оставили.

– Одну штуку?

Она слабо засмеялась, а потом, видимо вспомнив о своем горе, вздохнула:

– Не, один мешок. Вот. И он на этой льдине до весны дрейфовал, так что его в Индию отнесло.

– Так вы в Индии познакомились?

– Что вы! Он из Индии пешком по горам с ёгами ушел, всему-всему у них научился, а потом наши пограничники его в лесу от медведя спасли. Не везло ему всегда.

– Ну, почему же не везло, ведь спасли же? – Я старался направить ее мысль в нужное русло. – А потом что было?

– Потом он работал на лесосплаве маркшейдером, ну, маркировал бревна, чтобы потом можно было сосчитать, сколько срубили и сколько сплавили, – объяснила Клава. – А потом ему опять не повезло...

– Ему очень повезло, он же встретился с Клавой, – заботливо сказал я.

– Он не сразу со мной встретился. – Она видимо испытывала удовольствие, перечисляя то, как не везло Генке. – Там у них один плот развязался, и он на бревне приплыл на Бакинские камни. Ну, его на эти камни выбросило, а то бы он и дальше плыл. И он чуть не сгорел там в нефти. – Она опять начала всхлипывать.

– Клава, Клава, ну не надо плакать, такая хорошая девочка, все глазки себе испортишь, – засюсюкал я, потому что катастрофически начало светать.

– Я не девочка, – сказала Клава. – Мне девятнадцать лет, у меня дочка есть девочка... – и она опять разрыдалась.

– Ну, не хочешь про моряка своего рассказывать, не надо. Про дочку расскажи!

– Я про Генку хочу, он же гад меня бросил, не девочка...

Я почувствовал, что мне уже с ней не справиться, но отступать было некуда, и я опять спросил, как они все-таки познакомились.

– Он на последнем пароходе приплыл в Большое, там раньше пароходы по реке ходили, а потом она обмелела, и они не стали. Он на последнем пароходе приплыл, и его опять забыли.

– Тут ты его и пожалела?

– Нет, я тогда со Славкой-мужем жила, а потом он в Турцию челноком уехал и пропал, я тогда Генку пожалела. Он в Доме рыбака бесплатно жил. За дрова.

Я уже очень устал, и, чтобы как-то завершить этот бред про моряков и турецких челноков за дрова, взял Клаву за руку и спросил:

– Хорошо, а зачем вы с Генкой решили ограбить Калерию Тимофеевну? И куда вы ее дели?

Она дернулась, а потом неожиданно прижалась к моей груди так, что Кошка, про которую я почти забыл, закричала и зашипела, а Клава стала ее целовать и гладить, приговаривая:

– Я же вас сразу узнала, по кошечке, по Мурлиночке. Вы же мне поможете, вы же всем скажете, что я не сама, это Генка меня заставил, ведь скажете же?

– Будет, голубки ворковать, понял? – раздалось у нас за спиной. – Я тут уже давно на вас люблюсь...

– Петрович, – сказал я, – нехорошо подслушивать.

– Я про себя вопрос решал: охмурит тебя Клавка или нет? – подмигнул мне бывший мент. – Понял! Как она тебе про челюскинцев заливала!

– Я не заливала, дядя Петрович, я всю чистую правду про Генку рассказала, чтоб он меня понял, чтоб помог. Ведь поможете?

Клавка жалобно заглянула мне в лицо.

– Ты нам, Клавушка, поможешь, – сказал Петрович, – если, конечно, не ищешь лишних проблем. Понял?

– Поняла... – поправил я.

– Хорошо бы, – сказал Петрович.

– А Генка? – спросила Клава.

– А ему опять не повезет. Только на этот раз мы его не забудем. Зараза он, Генка твой, – сказал Петрович, задумчиво глядя на порозовевшую от рассвета воду. – Я ни лодки, ни паромщика не нашел, понял?

Глава 19

Но вы-то уже, наверное, сами поняли, а мне рассказал Петрович, что именно Калерия Тимофеевна оказалась для всех наших знакомых той самой доброй заморской тетушкой. Чувство, возникшее у Ленки и Саида на почве ремонта, окончилось маршем Мендельсона. И теперь он со своей молодой женой обретался у Калерии в качестве сподвижника и охранника. Так что нелегкий бизнес со всеми прелестями рэкета наш доблестный джигит променял на спокойную жизнь управляющего кошачьим хозяйством и благоверную в русской глубинке.

Будучи в прошлом владелицей отеля в своей солнечной Швейцарии, Калерия Тимофеевна помогла и Петровичу с Тamarой на их новом поприще.

И я полагаю, что именно с момента появления Дерзайцевской барыни в Большом, Генка решил, что с ее деньгами его дальнейшая жизнь будет обеспечена, но как к ним подступиться, оставалось для «челюскинца» загадкой.

Как нам уже известно, в период своей неудачливости он проживал в бывшем Доме рыбака за то, что работал там истопником. Правда, я сомневаюсь, чтобы он топил, как считает Клавка, дровами. Но когда Дом рыбака в один прекрасный день стал «Отелем Тамара», Генка оказался не у дел.

Следовало срочно искать крышу над головой и средства на пропитание. Генка сел на первый попавшийся автобус и оказался на Мышеславльской переправе, а потом и в самом этом славном городе. Направо от пристани в Мышеславле, как известно, имеется ряд магазинов. Можно было попроситься туда грузчиком, но где тогда жить? Неунывающий, познавший тайны йоги «маркшейдер» пошел налево и оказался в краеведческом музее. Там он обрел и кров, и скромную зарплату сторожа. Но в Большом оставалась Генкина зазноба – уборщица Дома рыбака.

Получив аванс, он решил провести ненаглядную, но вдруг оказалось, что отель «Тамара» в ее услугах также больше не нуждается, а взята она теперь сердобольной Калерией Тимофеевной к себе в дерзайцевский дом ходить за котами. Генка почувал, что это – судьба, и отправился в Дерзайцы. Произошла бурная встреча, после которой Генка сделался желанным гостем в кошачьем раю.

В доме Калерии Тимофеевны Генка старался производить благоприятное впечатление – эдакий бывший неудачник, который наконец нашел свое призвание в краеведческом музее. Это сейчас он пока сторож, а потом закончит институт и станет самым научным сотрудником. Он очень привязан к Клавке, которая, несмотря на свою наивность и простоту, сумела наставить его на путь истинный. Даже Саид зауважал Генку после того, как тот неведомыми путями заимел допотопную «Волгу» и своими руками превратил эту рухлядь в средство передвижения. Со слов Клавки Генка знал о существовании сейфа в доме Калерии Тимофеевны и не сомневался, что пустым он быть не может.

И, вдруг, рассказала напуганная обещаниями лишних проблем Клавка, позавчера все сотрудники Мышеславльского музея во главе с директором ухали на три дня по делу в Москву, закрыв музей и оставив там одного Генку. Кроме Генки была еще старуха-уборщица, но ей позволили пока не ходить на работу, потому что убирать все равно не за кем. И Генка опять понял, что его час пробил. Оставалось только под благовидным предлогом отвезти Калерию Тимофеевну в музей, запереть, завладеть ее сумочкой с ключами, быстренько смотаться в Дерзайцы и открыть сейф.

Помахав рукой парому, увозившему музейщиков в столицу нашей Родины, Генка дождался следующего рейса и вскоре на своей дряхлой машине остановился у ворот Калеринского дома, где застал свою зазнобу и ее хозяйку в большом замешательстве. Только-только Калерия отпустила Саида до завтрашнего утра, как ей позвонили из Большого с центральной

почты и сообщили о полученном на её имя пакете из-за границы, который почтальон завтра доставит в Дерзайцы. Но ждать до завтра Калерия Тимофеевна никак не могла и стала придумывать, как бы ей получить вожделенное послание уже сегодня. Тут на ее, казалось бы, счастье, и появился на машине Клавин Геночка. Естественно, что он всегда счастлив услужить уважаемой Калерии Тимофеевне и с удовольствием свозит ее как в Большое, так и обратно. Дом же останется покараулить Клава. Ключи от сейфа сами шли в руки этому проходимцу.

Но быстро управиться не удалось – любимая кошка Калерии нипочем не желала ехать в антикварной генкиной машине. Она рвалась, выла на собственную хозяйку и вела себя самым неподобающим образом. Уговоры кошки отняли драгоценное время, но наконец только силами обеих женщин удалось удержать капризную зверюгу на заднем сидении, поэтому в Большое они поехали все вместе.

На почте, как нарочно, оказался перерыв. Калерия решила воспользоваться им и заглянуть в «хижину тети Тома». Тут надо сказать, что дерзайцевская барыня сама являлась компаньонкой с основным капиталом этого дивного заведения, поэтому там у нее и имелся специально отделанный номер, где кошка внезапно стала вести себя, как полагается – ласково и достойно. А потом вдруг куда-то пропала. Калерия страшно расстроилась, не хотела никуда ехать, пока не будет найдена кошка. Петрович со свойственным ему благодушием успокоил компаньонку, пообещав найти и доставить. Мы-то знаем, как он преуспел в этом деле.

Убитая горем Калерия, тем не менее, позволила своим сподвижникам доставить себя на почту, но даже долгожданный пакет не принес надлежащей радости. Однако ловкий Генка сумел так удачно повернуть разговор, что успешно предложил быстренько съездить в город Мышеславль, куда, сами понимаете, с кошкой ехать никак нельзя, а на обратном пути, как он не сомневался, кошка будет найдена стараниями Петровича. А поскольку ехать предстояло все равно мимо Дерзайцев, то они по дороге завезли бы туда Клаву, чтобы дом все-таки не оставался без присмотра, а сами бы тем временем осмотрели достопримечательности старинного города. Уговорам помогла также принятая Калерией в большом количестве заморская валерьянка.

Оставшись в Дерзайцах одна, Клавка сначала навела порядок в котовом хозяйстве, а потом принялась за стряпню. Готовила в калерином доме обычно Ленка, но в связи с ее экстренными обстоятельствами, эта миссия на неопределенное время легла на Генкину зазнобу.

Ожидание возвращения возлюбленного и хозяйки неожиданно затянулось. Наконец герой-любовник явился, но почему-то один. Он сказал, что Калерия Тимофеевна подружилась с директором музея и осталась ночевать в Мышеславле. Его самого они никак не отпускали, но он все-таки вырвался на последнем пароме к своей Клавусе, потому что упускать такую возможность никак не мог. А завтра они вдвоем съездят за хозяйкой.

Клавка тоже очень обрадовалась неожиданному повороту событий и добавила к ужину пару красивых бутылок из хозяйского бара. А дальше все шло совсем замечательно! Генка был нежен и обходителен, но двух бутылок оказалось мало. Достали еще, и, в конце концов, Клавка проснулась глубокой ночью в хозяйской спальне от чувства невыносимой жажды, причем совершенно одна. Она было испугалась, что Генасик ее бросил, но, включив свет, увидела его в несколько странной позиции у стены, вернее у сейфа-эстампа. Она поинтересовалась, что он делает и не хочет ли освежиться «красеньким»? Генасик очень одобрил ее проект и сказал, что искал выключатель. Любовники продолжили свои игры.

Глава 20

– Сразу бы сказал, что хочет открыть сейф, все было бы по-другому, – задумчиво изрекла Клавка.

– Интересно, как же? – ехидно поинтересовался Петрович.

Клавка не стала уточнять и сразу же перескочила на утренние, хотя, впрочем, и относительно утренние события. Несмотря на бурно проведенную ночь, проснувшаяся Клавка нашла в себе силы убрать остатки пиршества, накормить кошек и приготовить рассольничек для своего драгоценного. Она понимала, что нужно привести его в пристойное состояние, ведь впереди – поездка за хозяйкой. Больше всего на свете она боялась, что вернется Саид и застанет их тут одних без Калерии.

Было уже далеко за полдень, когда Генка со своей подругой усаживались в машину. И вдруг клавкино внимание привлекли хозяйская сумочка и пакет с почты. И тогда она вспомнила, что вчера в Большом они забыли Мурлинку, а Петрович ее так и не привез. С одной стороны это оказалось и неплохо, потому что получилось бы не совсем удобно, если бы Петрович застал ее с Генкой, но, с другой стороны, им теперь придется ехать за кошкой. Она так сразу и сказала Генке:

– Если хозяйка вернется, а кошки на месте нет – добра не жди.

После ночных ласк и всего прочего Генка почему-то был не в духе с самого пробуждения и грубо ответил, мол, ему некогда искать дурацких кошек, а нужно возвращаться на работу. Какое-то время они спорили, но Клавка сумела-таки настоять на своем, и, чтобы хоть как-то сократить путь, они отправились в Большое всякими проселками, но застряли у Погорелок.

Генка предложил Клавке подождать в машине, пока он сходит за трактором. Клавка наотрез отказалась сидеть посреди леса одна, и тогда этот гад заставил ее, слабую женщину, толкать свою распроклятушую машину почти два километра до большака. Он был такой злой, что Клавка побоялась ему возражать, но вдруг оступилась и упала, и тогда Генка набросился на нее с кулаками и заорал, что это она во всем виновата, что она навязалась на его голову! И если бы не она, он уже давно вскрыл бы калерин сейф и был бы далеко с большими деньгами и в хорошем настроении. Клавка возразила, дескать, и сама бы не отказалась оказаться где-нибудь далеко и с хорошими деньгами.

– Петрович, ну ты пойми, – решила все-таки пояснить свои алчные притязания Клавка. – Ты же знаешь, у Калерии деньжищ до неба, мы бы не стали все брать, а взяли бы вот столечко. – Клавка показала пальцами толщину того, что по ее мнению, есть у Калерии, и того, что бы они взяли. – Нам бы с Генасиком хватило.

Петрович сразу взвился и стал упрекать Клавку в том, что при отношении к ней Калерии, подобное вероломство, мягко говоря, никак не годится.

– У тебя, Петрович, денег достаточно, даже машина вон какая, – возразила Клавка. – А мы с Генком – люди бедные, и мне еще дочку кормить надо.

– Ладно, ладно, – сказал я. – Дальше-то что было? Как же это вы Саида по дороге-то не встретили? А ты, Петрович, тоже, хорош гусь, обещал тетке кошку найти, а сам со мной прохлаждался.

Петрович очень удивился тому, что и он оказывается виноват. Это очень ободрило Клавку, и она продолжила:

– Саид, должно быть, с другой стороны, через Павлово ехал, а мы к Девницам выбирались. Там в автобус и сели, и я сразу у вас на руках кошку узнала, а вы мне наврали про нее. – В голосе Клавки послышалось ехидство.

– Ну, ты Клавка теперь всех ворами сделать готова, – изрек во благо установления истины Петрович. – Это я ему кошку Калерии отвезти велел, понял?

Я же нашел нужным уточнить у Клавки, когда именно они сошлись с Генкой в том мнении, что нужно брать сейф?

– Тогда и сошлись, пока машину толкали, когда же еще?

Клавка невозмутимо пожалала плечами, будто, так и полагается: толкая машину, договариваться об ограблении хозяек.

Петрович опять попытался повести свою воспитательную работу, но я решил сам восстановить ход событий:

– Дальше все просто. Когда я вышел помогать толкать машину, то Клавка узнала кошку, и они с Генкой решили поехать со мной. Мой товар подтвердил их уверенность в том, что я направляюсь в кошачий рай. Теперь они могли утащить у Калерии что угодно, ведь подозрение в краже в пустом доме естественно падет на постороннего, тем более, торговца такими сомнительными товарами.

– Какой вы умный! – восхищенно сказала Клавка. – Прямо как мой Генасик!

– Еще бы, – согласился я. – А потом очень удачно оказался на месте и вернувшийся Саид.

Моими детективными способностями уже восхищались оба – и Генкина возлюбленная, и сам Петрович. Но тут я задал еще один вопрос:

– Мне не очень понятно, любезная Клава, почему ты сначала говорила, что все музейщики уехали в Москву, а потом ты так здорово излагаешь, какое впечатление они произвели на Калерию Тимофеевну. Мне не очень верится, что вы с Генкой не договорились обо всем раньше, еще до того, как сломалась машина.

Клавка попыталась вроде бы невозмутимо и даже изящно закурить, но опять расплакалась, бросила сигарету и «расколосась». Так вот, в неуспехе этого, столь замечательно разработанного умным Генасиком плана, оказался виноват все тот же необязательный Петрович – он вовремя не привез ключевую кошку, а устраивать взлом в чистеньком домике Калерии они ни за что не стали бы, если бы...

Петрович набрал полную грудь воздуха, собираясь в очередной раз напомнить Клавке о ее подлости и неблагодарности, но я успел его опередить и спросил:

– Почему же там, в доме, вы не шарахнули меня чем-нибудь, не связали, а убежали в окно?

– Все равно уже ничего бы не удалось. Я в окно саидову машину увидела, – простодушно сообщила Клавка. – Он бы в момент явился на шум. А так получается, что мы не задаром в доме околачивались, мы вора выследили. Кто же знал, что вы Петровичу дружок?

– Ну и дрянь же ты, Клавка, понял, – сплюнул Петрович.

– Поняла... – опять поправил его я.

Глава 21

Мы сидели прямо на песке и курили. Кошка ходила вокруг нас постепенно увеличивающимися кругами и принюхивалась. Временами она поворачивала к нам мордочку и говорила свое «мя». Потом вдруг замерла и вся вытянулась по направлению к реке.

– Мышь чует, – покровительственно сказал Петрович.

– Сами вы мышь! – фыркнула Клавка. Она поняла, что мы не собираемся ее обижать, и поэтому здорово повеселела. – Послушайте, моторка!

Петрович шустро вскочил и принялся размахивать руками у самой кромки воды, будто ловил такси на дороге.

Моторка причалила к нам.

– Здорово, Петрович, – сказал сидевший в ней мужик.

Это, в общем-то, меня несколько не удивило, а лишь оказалось подтверждением того, что Петровича в самом деле знает весь район.

– Куда собрались? – спросил мужик.

– В Мышеславль, понял. Подбросишь?

– Всех?

– Всех.

– И кошку?

– И кошку.

– Лодка не потянет, перегруз получится. Видишь, сколько я тут рыбы наловил. А бросать жалко.

– Кошка рыбу съест, – вдруг сказала Клава.

– Всю? – испугался мужик.

– Сколько сможет, а нам легче будет. И рыба зря не пропадет.

– Полезайте с кошкой, – распорядился хозяин лодки.

Ему так понравилась клавиная шутка, что он повторил ее раз десять. Мы забрались в лодку, и она осела чуть не до самой воды. Кошка сначала не хотела уходить с моих рук, но потом ее звериная сущность взяла свое. Некоторые рыбы были еще живы, и кошка, брезгливо отряхивая мокрые лапы, пошла немного поохотиться. Рыбак оказался очень добродушным и смешливым. Он веселил всех рассуждениями о том, что среди такого количества добычи ей – то же самое, как ему – в бочке с пивом. Пожалуй, этот кусок моего путешествия оказался самым приятным.

Мышеславль встретил нас так ласково и кротко, будто бы ждал с самого своего основания. Я искренне удивился тому, что город действительно называется Мышеславль. Я-то думал, что это какое-то местное его прозвище, а оказалось, что таким было его натуральное географическое название и очень даже старинное, раз на гербе, развешанном на всех выдающихся местах, помещался маленький, симпатичный, но очень вредный, как считается, для человека, а особенно для некоторых пугливых женщин, грызун.

Наш новый знакомый сообщил, что этого города могло бы и не быть, если бы мы приехали сюда с какой-нибудь кошкой несколькими веками пораньше. По его мнению, кошка бы съела мышку, и она не смогла бы что-то там перегрызть у нападавших врагов, и Мышеславль бы тогда пал. Шутка повторялась автором также неоднократно. Я подумал, что в таком случае, Рим следовало бы назвать Гусеславлем.

Так, мило болтая, мы подошли к местному музею. Пленница несомненно находилась там, но теперь мы никак не могли отделаться от нашего рыбака, уже увивавшегося за бессознательно подававшей ему надежды Клавкой, еще четверть часа назад рыдавшей о своем ненаглядном Генасике.

Ситуацию спас Петрович, с невинным видом попросив у рыбака взаймы на бутылку:

– Погреться, понял? – обосновал он свою потребность здравоохранительной причиной. –

Одубели мы на твоём челне.

Рыбак растворился на городских просторах, как мираж.

Петрович несколько раз подергал музейную дверь, закрытую на большой висячий замок, потом рванул ее сильнее, и замок вылетел вместе с ушком накладки.

– Прощу! – пригласил он всех нас внутрь столь небрежно хранимого местного прошлого.

Глава 22

Калерию Тимофеевну мы нашли аккуратно спящей на двух сдвинутых директорских креслах. После путешествия в лодке кошка довольно прилично попахивала рыбой, и я с огромным облегчением выпустил ее к хозяйке. Животное с громким мявом кинулось к ней, начало лизать лицо, тереться и трогать лапкой, как будто проверяя, все ли у нее на месте.

Калерия наконец проснулась, обняла кошку и расплакалась. Клавка тоже разрыдалась, да и мы с Петровичем были готовы пустить скупую мужскую слезу при виде столь чувствительной сцены.

Нацеловавшись с кошкой, Калерия Тимофеевна попросила извинения за беспорядок в туалете и очень церемонно поблагодарила Петровича за избавление от вынужденного затвора. Также торжественно в качестве освободителя ей был представлен и ваш покорный слуга.

Итак, разрешилось многое. Для нас, но не для Калерии. Она совершенно не понимала, почему Гена оставил ее запертой в этом кабинете, причем без телефона и туалета, и как объяснить такую спешку, в результате которой ее сумка и пакет с бесценными документами остались в машине, и, в конце концов, не утрачено ли это ее имущество, заключающее в себе итог многолетней работы? Ведь ни много, ни мало, а это было свидетельство самой Всеевропейской ассоциации любителей кошек в том, что она, Калерия Тимофеевна Зоммертраум, урожденная Дерзайцева, вывела совершенно новую, а вернее возродила древнюю римскую породу домашних кошек – *Felis Kattuta Romana*.

Кстати, римский писатель Палладиус в работе о возделывании артишоков, относящейся примерно к 350 году нашей эры, упоминал о необходимости услуг этих животных. Он называл особой мужского пола «Cattus», и рекомендовал сажать их между грядками для защиты от мышиной потравы. А звездой, так сказать, эталоном породы и является знакомая всем кошка Мурлина, обладающая характерной окраской и сломанным кончиком хвоста, а также необыкновенной преданностью и сообразительностью. О чем, между прочим, свидетельствует даже вчерашний факт нежелания Мурлиночки участвовать в поездке. И, если бы она, Калерия, больше доверяла интеллекту своего сообразительного животного, то ничего бы и не произошло. Но, по счастью, верный рыцарь Абрам Петрович, который всегда в трудную минуту умеет помочь и как никто другой держит слово, обещал вернуть ей кошку и вернул, разыскав даже в таком неожиданном месте.

Всеобщая тетушка говорила много и долго, а мы, как колонны Большого театра, стояли в монументальном молчании. Когда дело дошло до безмерных похвал Петровичу, он, как и подобает настоящему защитнику слабых и обездоленных, с приличествующей скромностью начал возражать, что так на его месте поступил бы каждый, кто хоть немного знает неподражаемую Калерию Тимофеевну, которая проходит красной нитью, освещающей... Под конец Петрович безнадежно запутался, что, не сумев никак выбраться из длинной фразы, закашлялся и тихонько, глядя на меня, сказал:

– Понял?..

Я нашел нужным поддержать мнение Петровича о необыкновенности Калерии и заявил, что ее дом – подлинное произведение дизайнерского искусства, и рай не только для кошек...

– А как вы там оказались? – изумленно произнесла Калерия Тимофеевна.

Клавка посмотрела на меня с ужасом и ненавистью, и я с опозданием сообразил, что потропился. Я – человек не мстительный, и раз ограбление у этих недоумков все равно сорвалось, то мне сейчас было просто жалко непутевую Клавку. Хотя, если честно признаться, с какой, собственно, стати, мне ее выгораживать? И я решил излагать издали в надежде, что теперь всеобщий спаситель Петрович придет на помощь и мне.

– Видите ли, – начал я, – предметом моего бизнеса являются всякие товары для лучших друзей, как отдельных людей, так и всего человечества в целом...

Калерия Тимофеевна приготовилась терпеливо слушать, Клавка занервничала, но мой расчет оказался верным.

– Да он теми консервами торгует, какими вы своих кошек кормите, – не выдержал Петрович. – Это я его к вам отправил. Он у меня в отеле остановился, и я подумал, чего вам, Калерия Тимофеевна, из-за границы все возить, он – парень с машиной, сам и доставит. Он тут не при чем, это Клавка с Генкой вас ограбить хотели. А Саид не того поймал...

Петрович объяснял очень сумбурно, явно чувствуя всю беспомощность изложения без своего «понял», которое он все таки старался не произносить перед Калерией Тимофеевной.

Тут вдруг Клавка стрелой кинулась к двери, но Петрович шустро загробастал ее своими ручищами. Они упали и покатались по полу, а мне пришлось отпрыгнуть, чтобы не оказаться в общей куче. Оба молча пыхтели, явно стесненные Калериным присутствием. А она как ни в чем ни бывало заметила:

– Господа, мне кажется, что продолжить нашу беседу будет лучше где-нибудь в другом месте, – и обратилась ко мне: – Пойдемте, они нас догонят.

Эдакое-то спокойствие после суточного пребывания взаперти, а теперь – при виде дерущихся! Я был потрясен, и с искренней учтивостью предложил Калерии Тимофеевне руку. Будь она помоложе, я бы предложил и сердце.

Мы с Калерией и кошкой шли впереди. Несколько отстав от нас, взъерошенный Петрович, гневно сверкая белками, тащил за собой упирающуюся Клавку. А вокруг нас ласково обнимало мир необыкновенно веселое и свежее утро.

Глава 23

Устроив всех на лавочке у пристани парома, Петрович попытался было снова объяснить Калерии, что произошло. Но она с улыбкой ответила, что очень устала, ей необыкновенно хочется чаю, и она просит отложить разговор до дома. Мы сидели молча и под аккомпанемент мурлинкиного мурчания любовались окрестными пейзажами. Вдруг мы заметили, что со стороны города к пристани спускается какой-то человек. Увидев нас, он замахал руками и припустил быстрее.

– Это же рыбак! – обрадованно сказал Петрович и, как всегда, оказался прав.

Наш смешливый водоплавающий знакомец как видно уже принял то, на что у него займы попросил Петрович. Он радостно потряс нам руки, словно мы расстались не час, а, по меньшей мере, лет пять назад, продемонстрировал все свои улыбки дамам, и с самой лучезарной извлек из одного кармана недопитую пол-литру, а из другого – стакан с зеленым крыжовником. Крыжовник он бесцеремонно высыпал Клавке на колени, открыл заткнутую свернутой бумажкой бутылку и, налив содержимое в освободившийся стакан, продолжая улыбаться, возгласил:

– Ну, Петрович, поехали!

Петрович замотал головой:

– Ты, мужик, не обижайся, а? Я за рулем, понял?

– Ты чего, сам же просил? – растерялся рыбак и, оценив нашу компанию взглядом, протянул стакан Калерии.

И что вы думаете? Наша дама взяла этот сомнительной чистоты граненый сосуд, долго учтиво благодарила, расспрашивала о рыбе, о реке, о видах на урожай.

Рыбак был покорен и совершенно не обращал внимания на Клавку, которая кокетливо грызла дармовой крыжовник и хихикала. Наконец Калерия Тимофеевна подняла стакан, чтобы выпить за здоровье своего собеседника. Восторженный рыбак чокнулся с Калерией всей бутылкой и, приняв позу плакатного горниста, с гусарской удалью влил в себя оставшуюся в бутылке водку. Калерия Тимофеевна, не моргнув глазом, с нежной улыбкой поднесла стакан ко рту, но задела при этом кошку. Кошка заворчалась, завывбалась, и стакан выпал из рук Калерии Тимофеевны. Все было проделано с такой удивительной виртуозностью, и Калерия так искренне корила себя за старость и неловкость, что наш рыбак очень расстроился, потому что необдуманно уже выпил все, что осталось, и не сможет теперь доставить удовольствие даме. Калерия возразила, что виновата сама, и как-нибудь в другой раз они еще смогут наверстать упущенное.

– Между прочим, мы сюда на его лодке приехали, – сказал Петрович.

Рыбак вернулся с облака, где он это время обитал с Калерией, на землю и согласился:

– Хорошая лодка.

– Интересно, – продолжил задумчиво Петрович, – троих ты нас на ней перевез, а вот четверо поместятся?

Поскольку парома оставалось ждать еще часа два, то я вполне понял его дипломатию. Как-никак рыбак живет в Мышеславле и прихватил нас просто по дороге, а везти всю компанию обратно на ту сторону, да еще после такого солидного глотка, вовсе даже не обязан, и для нас это тоже будет рискованно.

Я решил поставить вопрос несколько в иной плоскости:

– А, что, Петрович, ты моторкой умеешь управлять?

– Да я не то, что моторкой, танком могу, понял!

– Тогда, валяй, гребь, – согласился рыбак, и мы пошли к лодке.

Весь улов был еще там, что очень порадовало кошку. Калерия Тимофеевна не отважилась мочить ноги, Петрович с видимым удовольствием перенес ее в ковчег. Мы аккуратно расселись, а рыбак, оставаясь на берегу, повторял все с тем же набором улыбок:

– Валяй, Петрович, валяй! Некуда тут не денешься, раз надоть туды плыть... Валяй, Петрович, валяй!

Петрович завел мотор, а когда мы отплыли на приличное расстояние от берега, крикнул:

– Я ее те верну, понял!

Рыбак расхохотался, махнул рукой и улегся на песок.

Глава 24

Калерия заметила, что с рыбаком вышло не очень удобно, хотя плыть в такой маленькой лодке с пьяным человеком она все равно бы не решилась.

– Ну, понял? – сказал мне Петрович. – Ты сейчас на моей машине Калерию Тимофеевну домой отвезешь, а я с этой, – он показал глазами на Клавку, – лодку ему обратно отгону, а эту сдам в милицию. Потом еще на Генку нужно заявить, я ж его сам-то не найду, понял?

Калерия Тимофеевна внимательно выслушала его план, а потом спросила:

– Абрам Петрович? Вы уверены, что они действительно хотели меня ограбить?

– А зачем же им вас, Калерия Тимофеевна, надо было на двое суток в музей запереть? Шутки что ли такие, понял... ли? Нет, я их упеку обоих.

Клавка, продолжавшая грызть крыжовник, насторожилась и потихоньку начала придвигаться к борту. Но Петрович разгадал ее маневр:

– Не смей, девка, лодку перевернешь, понял?

А Калерия Тимофеевна продолжила:

– Абрам Петрович, вы уж очень строги. Ведь все закончилось благополучно, все живы, разве они лучше станут там, куда вы их собираетесь упечь?

– Генку все одно найти надо, – ответил Петрович. – У него и сумочка ваша, и пакет из кошачьей организации.

Калерия устало посмотрела на Клавку:

– Деньги-то, Клава, Бог с ними. Надо красть – крадите, но документы... Вы же знали, какого труда мне все это стоило...

Она отвернулась в сторону реки и как-то сразу постарела. Кошка, все время игравшая с рыбами на дне лодки, бросила свою забаву и, прыгнув Калерии на колени, стала утешительно к ней ласкаться. Я опять подумал, что эта кошка действительно невероятная, какой-то прямо пришелец нездешний.

Глава 25

Остаток плавания мы молчали. Петрович высадил нас с Калерией на берег и отдал мне ключи от своей машины, достаточно толково объяснив, как отсюда снова добраться до Дерзайцев. А сам, уже не выпуская Клавкиной руки из своей, повел лодку назад в Мышеславль.

По дороге я снова постарался как можно деликатнее изложить Калерии весь сюжет этой истории. Она слушала не очень внимательно, заметно переживая вероломство Клавки. В отношении пропажи сумочки и ценных документов она сказала, что в принципе все можно восстановить, но она уже очень немолода и боится просто не успеть. Я возразил, что не очень и, стараясь отвлечь ее от грустных мыслей, поинтересовался, почему она хранит в таком замечательном сейфе не деньги, а всего лишь бумаги и статуэтку кошки. Она улыбнулась и пообещала обязательно все рассказать мне, но сначала мы оба отдохнем, а потом, дожидаясь Петровича, скоротаем время за разговорами.

В Дерзайцах нам навстречу выбежал совершенно ополоумевший от счастья Саид. Позволив в роддом, он узнал невероятное – этой ночью Ленка родила ему целых троих сыновей, и он страшно рвется съездить к ней, но боится бросать дом после всех вчерашних событий. Теперь же, когда нашлась Калерия Тимофеевна, он со спокойным сердцем помчится к своей любимой, а потом ему нужно будет достать еще денег, чтобы купить трех коней сразу!

К безумной радости Саида от умножения его семейства, свой восторг по поводу возвращения хозяйки присоединили все наличные кошки. Описывать это сумасшествие я не берусь.

Наконец Саид уехал, и животные тоже понемногу успокоились. Калерия отвела меня в одну из знакомых мне гостеприимных комнат, и с верной Мурлинкой на руках пожелала мне спокойного отдыха. Я поблагодарил и спросил, можно ли курить в этой комнате. Она улыбнулась и, показав мне глазами на дверь с противоположной от входа стороны, удалилась. Я, естественно, сразу кинулся туда.

Нет, вы не поверите, но там оказалась ванная комната с окном и унитазом, а какова была сама ванная! Я обрадовался ей, как свиданию с возлюбленной! Ах, какие полотенца, белый махровый халат – мечта Обломова, в этакой-то дыре, куда и дорог-то приличных никогда не прокладывали. Обнаружив я эту пещеру Алладина до встречи с неудачливыми грабителями, то, мне кажется, они могли бы таковыми не стать.

Насладившись водными процедурами, я не поленился заняться и мелкой постирушкой, а потом в махровом халате на голое тело сладко заснул среди фарфоровых котов и кошечек на душистом шелковом покрывале. Вам, конечно, хочется узнать, какой я увидел сон, но я, право, не знаю, что вам ответить. Он слишком не гармонировал с расслабляющей обстановкой кошачьей неги, поэтому ознакомлю вас с ним как-нибудь потом, при нашем общем желании.

Глава 26

Я проснулся часа в четыре дня. Это мое самое любимое время суток, потому что в четыре часа и особенно летом мне так же хорошо, как в четыре часа ночи осенью плохо. Не знаю, впрочем, почему.

Мое постиранное добро высохло и замечательно пахло солнцем. Я умылся и, взглянув в зеркало, остался, в общем-то, доволен своим видом, хотя мне показалось теперь, что я зря сбрил бороду и оставил только усы. Впрочем, начиная свое поприще на ниве кошачьей коммерции, я заметил, что любители кошек испытывают больше доверия именно к усатым, в то время как друзья других друзей человека – преимущественно бородачи.

Я вышел в гостиную. На журнальном столике Калерия Тимофеевна увлеченно раскладывала какие-то бумаги и фотографии. Кошка ей старательно мешала, уверенная, что очень помогает хозяйке справляться с шуршащей добычей. Поблагодарил за прекрасную возможность замечательно отдохнуть, я спросил:

– Не появлялся ли Петрович?

– Пока что нет. Жаль будет, если он не сумеет найти пропавшие документы. На всякий случай пытаюсь разобраться в черновиках.

– А они как-то связаны с кошками?

Я не стал скрывать своего любопытства.

– Конечно, – вздохнула она. – К сожалению, самые ценные по стариковской привычке я всегда носила с собой. А лежали бы они преспокойненько в сейфе, я бы сейчас могла составить повторный запрос и восстановить право на свое, так сказать, изобретение. Но, пойдёмте лучше перекусим и поболтаем, чтобы отвлечься, – сказала она, вставая.

На веранде был уже накрыт стол. Огромную миску зеленого салата окружали всякие деликатесные закуски, нарезки и заедки, а во льду стояла пара бутылочек датского пива. На отдельном столике раздувал бока самовар. Вы, пожалуйста, не подумайте, что во время моего сна, не забыть бы, кстати, его вам рассказать, наша изящная дама орудовала вокруг самовара с сапогом. Самовар, конечно, был электрическим и изображал, естественно, кота.

Мы уселись в удобные плетены кресла, кошки устроились поодаль, и Калерия Тимофеевна начала свой рассказ издалека, как и все в этой истории.

Глава 27

Родоначальником славного рода Дерзайцевых считается Федюк сын Тимофеев, служивший во времена Ивана Грозного толмачом при его дворе. Заметим попутно, что толмачи жили тогда преимущественно в столичном Толмачевском переулке. Для несведующих стоит объяснить, что толмач – это переводчик, но не письменных источников, а устной речи. Поэтому нельзя уверенно сказать, мог ли предок Калерии Тимофеевны прочитать в подлиннике «Страдания молодого Вертера», тем более что они были написаны великим Гете лет через двести с лишним, но всякие посольские речи и приветствия он переводил вполне бойко, за что справедливо получил прозвище Дерфедюк, так как можно догадаться, переводил он с тогдашнего немецкого.

Собираясь идти воевать Казань, Дерфедюка взяли с собой на всякий случай, трезво понимая, что никакими немцами в бунтарской Казани и не пахнет. Но во время этого похода Дерфедюк так преуспел, что в позднейших документах он уже упоминается как стряпчий Федор Тимофеев сын Дерзайцев, пожалованный за Казанский поход не только полным именем, новой фамилией, чином стряпчего, но и деревенькой Зайцевкой на царских землях. Исследователь, не знакомый с семейной легендой, может предположить, что фамилия была образована от прозвища и названия царской дачи, но окажется не прав.

Семейное же предание гласит, что именно во время похода на Казань цареву воинство испытывало сильную надобность в продовольствии, поэтому каждый промышлял, как мог. Федюк же, как оказалось, очень ловко умел ловить зайцев, и еще лучше умел их готовить, чем заслужил большое уважение у окружающих и новое прозвище Заяц. Однажды наш бойкий толмач имел дерзость поднести свое фирменное блюдо самому царю. Ивану Грозному так понравилась свежая зайчатина, что он, «утерев державною ручкою, – деликатно подчеркивает предание, – царскую бороду», изволил спросить:

– Кто таков?

– Федюк сын Тимофеев, немецкий толмач, по прозвищу Дерфедюк, – как положено бойко отрапортовал тот, поклонился и добавил: – Верный царев холопишко.

– Зайцем его у нас кличут, царь-батюшка, – доверительно добавил кто-то из приближенных.

Царь, как всякий русский человек, а можно сказать и просто, как человек, от еды добрел. Поэтому, похвалив еще раз толмачевскую, обратил внимание, стряпню, он строго приказал:

– Именоваться тебе впредь Федором Тимофеевым сыном Дерзайцевым, моим царским стряпчим. А в память об этом даю тебе свою деревеньку Зайцевку к северу от Москвы близ града Мышеславля.

Новоиспеченный стряпчий ответил, дескать, рад стараться, оказанную милость оправдает и живота своего щадить не намерен, и детям, паче такие появятся, царский завет наследственно передаст.

Источники подтверждают, что стряпчий Дерзайцев действительно живота не щадил и особую ревность при обращении мордвы выказал, за что был «из царевых рук золотым пожалован». Детками Федор Тимофеевич тоже не остался обижен, имел он семерых сыновей и четыре дочери. Дальнейшая судьба рода достаточно типична.

Добродушная Калерия Тимофеевна не стала мучить меня перечислением имен и дат жизни своих предков. Она просто сказала, что, с точки зрения научной и медицинской, любое генеалогическое древо представляет собой как бы наглядный результат такой, с позволения сказать, человеческой селекции. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что получив ветеринарное образование, по причине необыкновенной любви к животным, она стала заниматься селекционной работой с кошками.

Как бы в подтверждение ее слов, Мурлина, которая ни на минуту не оставляла своей хозяйки, очень красиво изогнулась, выгнула крючком хвост и задушевно произнесла свое «мя». Остальная разномастная Калерина свита тоже зашевелилась и представила живыми фигурами ясное объяснение того факта, почему представительница древнего рода занялась именно кошками.

– Они же все такие красивые и ласковые существа, – продолжала хозяйка. – Ну, посмотрите.

Я понял, что ей хочется услышать похвалу своим сокровищам, и, искренне согласившись с ней, все же снова поинтересовался каменной кошкой из сейфа.

– Да, – улыбнулась Калерия, – эта-то кошечка и определила мою судьбу. К тому же с ней связана еще и романтическая история.

Глава 28

История оказалась и вправду романтической. Отец Калерии, Тимофей Степанович, вопреки семейной традиции стал не военным, а художником, закончив Петербургскую академию с отличием и получив пенсионерство в Италии для дальнейшего совершенствования в мастерстве. Не смотря на вольнодумные настроения, распространившиеся в начале двадцатого века, учиться потомку старинной фамилии в общедоступном заведении вместе с пусть и талантливыми представителями разночинного населения было, в общем-то, неуместно. Но все дело объяснялось тем, что в детстве Тимофей Степанович упал с лошади и сломал обе ноги. Ноги почему-то плохо срослись, он остался хромым и для военной службы сделался непригоден. Ему можно было бы заняться филологической наукой, потому что все в роду Дерзайцевых наследственно обладали большими способностями к изучению языков, но рано обнаружившийся живописный талант окончательно определил жизненный выбор.

В Риме Тимофей Степанович жил на Русской вилле, водил дружбу с кем полагается и очень увлекался античными древностями. Наделавшие много шуму раскопки в Двое и открытие английским ученым Шмерлоттом связи Древнего Рима с Древним Китаем были тогда у всех на устах.

Затем произошла японская война. Русская вилла наполнилась патриотическими настроениями. В Италию приезжали на лечение пострадавшие в боях соотечественники. Но Первая Мировая война и дальнейший переворот в России изменили все. Связь с родственниками прекратилась. Русские эмигранты наводнили Европу, но отношение к ним сделалось двояким: с одной стороны – вроде те же знакомые лица, а с другой – теперь уже без средств к существованию. Образовывались и фонды, и общественные вспоможения – но зачастую дело кончалось лишь банкетами и патриотическими речами. Каждая новая порция эмигрантов была еще беднее, чем предыдущая. Рассказывались совершенно невероятные вещи о жизни в неведомом Харбине, и все эти новости казались русским, жившим за границей с дореволюционных времен, полной фантазмагорией, но как бы то ни было, доходы с родины перестали поступать, поэтому следовало серьезно думать о заработках, а не уповать на вдохновение.

Так случилось, что кроме живописи, Тимофей Степанович интересовался еще архитектурой и театром. На стыке этих явлений и проявилось его дарование. Он сделался, как говорили тогда, оформителем, или, по-современному, дизайнером. Получив хороший заказ на оформление гостиницы в Швейцарии, он собирался к отъезду, но неожиданно в гостях у приятеля-портретиста встретился с семьей своих соседей по Дерзайцевскому имению. Это был рано постаревший друг его детства, бывший офицер, герой всяких сражений, отчаянный монархист, женатый как раз на сестре упомянутого приятеля. Выяснилось, что они, пережив все, какие можно, ужасы гражданской войны, с двумя погодками-сыновьями и пятилетней дочкой оказались в Риме.

Хозяин дома, отправившись вечером проводить Тимофея Степановича, признался ему, что совершенно растерян, так как не имеет возможности оставить эту семью у себя. Он и так едва поддерживает прежний образ жизни, а взяв на свое попечение еще и семью сестры, сразу же впадет в нищету. Мечтательный Тимофей Степанович неожиданно для самого себя вдруг спустился с небес на землю и подумал, что если бы неожиданно приехал кто-либо из его многочисленной родни, он и сам бы встал перед подобной дилеммой. Он не спал всю ночь, а наутро отправился к приятелю и с полной ответственностью предложил всей семье вновь прибывших эмигрантов ехать с ним в Швейцарию. Друг детства с чувством жал Тимофею Степановичу руку, его жена, естественно, разрыдалась, и все порешили, что как только он там обоснуется, то выпишет к себе и всех остальных.

И через пару месяцев они приехали к нему. Поначалу Тимофей Степанович ужасался собственному альтруизму, но как-то незаметно привязался к детям. По художественной натуре и любви к уединению он считал себя совершенно непригодным для семейной жизни, тем более что из-за хромоты всегда стеснялся женщин: прогулки были затруднены, танцы – так и вовсе невозможны. А тут судьба навязала ему такую невероятную, тем не менее, украшенную улыбками детей, обузу.

Бывший офицер сумел в конце концов найти не очень высоко оплачиваемую, но постоянную, работу преподавателя верховой езды в местном спортивном клубе, а Тимофей Степанович шел в гору и даже сделался модным. И поскольку жили они все вместе, то не бедствовали – мальчиков определили учиться, а когда подросла всеобщая любимица дочка Сашенька, ее отдали в самый дорогой пансион.

Жизнь текла, все как-то устраивалось, и даже тень предстоящей Второй мировой как-то не слишком зловеще нависала над маленькой нейтральной Швейцарией.

Глава 29

В один из первых дней возвращения домой после окончания пансиона юная и хорошенькая Сашенька пришла в мастерскую дяди Тимоши. Весь вид ее показывал, что она на что-то решалась, но никак не могла открыться приемному дядюшке. Она старательно рассматривала чертежи и эскизы, а потом почему-то поинтересовалась, читал ли он «Полтаву»?

Тимофей Степанович очень удивился такому вопросу и сказал, что это – замечательное произведение Пушкина, что поэт очень интересовался историей и еще что-то в таком роде. Но девушка прервала его и спросила, верит ли он в то, что юная Мария действительно любила старого Мазепу, потому что для нее это очень важно. Тимофей Степанович замаялся. Девушка напряженно искала ответ в его глазах.

– Видимо, по замыслу автора, любила, – постарался перевести разговор в искусствоведческое направление Тимофей Степанович. – Это же героическая история, в то время модно было брать такие романтические сюжеты...

Сашенька не дала ему договорить:

– Я изучала литературу, но сейчас меня интересует именно ваше отношение к этому, – и повторила: – Это очень важно для меня...

– Сашенька, – с лаской в голосе произнес Тимофей Степанович, – ты же еще очень молоденькая девушка, если пытаешься примерить на себя поступки персонажей поэмы. Ничего удивительного в этом нет, но я-то уже не молодой человек и совершенно не гожусь в герои твоего романа.

– Почему, дядюшка? – Девушка ласково обняла Тимофея Степановича. – Вы же такой умный. Я не знала, как объяснить вам мои чувства, а вы сами все поняли. Почему же вы боитесь меня? – добавила она с обидой.

Тимофей Степанович постарался аккуратно освободиться из ее объятий и стал твердить, что сейчас не готов ни к каким выводам, что пройдет время, и этот поступок будет казаться Сашеньке ребячеством. Но она вдруг совершенно по-взрослому сказала, что уже давно думает о том, что Тимофей Степанович совершенно одинок: никаких связей с русскими родственниками давным-давно нет, и вряд ли они еще существуют. Вовремя завести свою семью он не смог, поскольку содержал ее отца, маму, братьев и ее тоже, и она чувствует за собой огромный неоплаченный долг.

Тимофей Степанович принялся бурно возражать, дескать, он не может принять от совсем юного существа такой жертвы, что он очень стар и годится Сашеньке чуть ли ни в дедушки, и, кроме того, вдобавок хромой, и из этого всего получится еще более неравный брак, чем на известной картине. Тогда Сашенька вывела гвардию: неужели Тимофей Степанович так уж совсем равнодушен к собственному роду, что позволит ему угаснуть? Ведь именно довод об угасании Дерзайцевского рода поколебал ее отца, когда прошлым летом на каникулах она посвятила его в свои планы. Но до окончания пансиона он просил ее не говорить об этом ни с кем, а тем более – с Тимофеем Степановичем. Теперь же пансион закончен, и она по-прежнему любит дорогого дядю Тимошу, а он почему-то не хочет обзаводиться молодой женой.

– Ну, допустим, что мы с тобой поженимся, и что, ты будешь меня все также величать дядюшкой? – рассмеялся Тимофей Степанович.

Девушка потупилась и пообещала называть его так, как ему больше всего приятно.

Тимофей Степанович посерьезнел и привел самый, на его взгляд непреодолимый аргумент: по швейцарским законам Сашенька еще молода для вступления в брак.

Девушка опять пошла в атаку и заявила, что узаконить брак они всегда успеют, а жениться надо как можно скорее, чтобы успеть завести наследника рода, ради которого, соб-

ственно, и задуман ею весь этот план. Если она будет ждать от него ребенка, то брак, даже не смотря на ее возраст, станет реальным.

В течение месяца все семейство дружно уговаривало Тимофея Степановича, горячо отказывавшегося от такой, по его словам, жертвы. Но вся беда, а может быть, и счастье, заключалась для него еще и в том, что после знаменательного разговора он действительно по-другому взглянул на Сашеньку и по-настоящему влюбился.

Глава 30

Они поженились, и у них родился ребенок, однако, вопреки ожиданиям – девочка, которую назвали Калерией. Тимофей Степанович был невероятно счастлив, но бесконечно стеснялся самого себя: старого и хромого молодого отца.

Когда девочка начала ходить, он купил дом в горной местности, переоборудовал его по своему вкусу и завел небольшую ферму, наняв в работники пожилую бездетную швейцарскую пару из ближайшей деревушки. Свои владения сентиментальный Тимофей Степанович окрестил труднопроизносимым для местного населения названием: «Derzaitys». Семья жила очень уединенно, нанося взаимные визиты разве что сашенькиным родственникам. Изредка на огонек к ним заглядывал здешний ветеринар – крупный добродушный старый холостяк. Дивный горный воздух, красоты окрестных пейзажей, с восхищением перенесенные на многочисленные холсты трудолюбивым Тимофеем Степановичем, и быстро подраставшая крепенькая Калюся, конечно, украсили добровольное затворничество необыкновенной пары, но я уверен, что Сашеньке было скучновато, потому что – я естественно сужу по себе, – старый муж устроил все это анахоретство, как бы предполагая свою возможную в будущем ревность.

Когда подошло время отдавать девочку в школу, то Тимофей Степанович наотрез воспротивился этому. Он взялся учить ее всему сам, потому что боялся: вдруг он неожиданно умрет, а Калюся не будет рядом. А потом началась война. И, хотя Швейцария держала нейтралитет, оказалось, что жить на собственной ферме гораздо выгоднее, чем в городе.

Братья Сашеньки к тому времени стали уже преуспевающими банковскими служащими, а чем еще, скажите, заниматься в Швейцарии образованным людям? Они обзавелись семьями, и Сашенька зачастила к ним – то свадьбы, то крестины, то просто так отвезет свежих овощей. Она очень ловко управлялась с авто и стала надолго оставлять мужа и дочку одних.

Снова завелись какие-то русские комитеты и сборы средств, в которых она активно участвовала, а Тимофея Степановича все эти хлопоты мало интересовали, ведь когда-то в молодости он уже все это проходил. Совершенное счастье он чувствовал только наедине с дочкой. Каля рано начала читать, знала наизусть все сказки Пушкина и «Конька-горбунка», переживала превратности судьбы маленького лорда Фаунтлероя, мысленно дружила с девочками Чарской и, подражая отцу, тоже рисовала, но преимущественно животных и любимого мохнатого серого кота по имени Ученый, который носил на шее, как и полагалось ему по должности, золотую цепочку с инициалами «К.Т.», точно такую же, как теперь Мурлинка.

Кончался уже апрель 1945-го года, и Сашенька опять уехала крестить какого-то очередного племянника, оставив по обыкновению мужа и дочку на попечение своих симпатичных швейцарцев. Кроме того, приближался день рождения Кали – десять лет. Первый юбилей, и она собиралась привезти дочери какой-то необыкновенный подарок. Она предполагала вернуться через три дня, и Каля, как никогда, проявляя нетерпение, мучила отца расспросами о подарке, а он и сам не знал намерений жены, поэтому они фантазировали совершенно на равных.

Той ночью разбушевалась невероятная гроза, с гор двинулись лавины. По радио передали, что из-за завалов сообщение на горных дорогах в их местности пока не осуществляется, к тому же оказалась прерванной и телефонная связь.

Утро после всех ночных природных безобразий выдалось очень тихое и необыкновенно светлое. Швейцарка напоила отца и девочку парным молоком со свежее испеченным хлебом. В такие чудесные утра Тимофей Степанович обычно выходил на этюды, а Каля играла со своим котом где-нибудь неподалеку. Но в этот раз от непогоды у Тимофея Степановича очень разболелись ноги, и девочка отправилась на прогулку в сопровождении одного Ученого. Она конечно расстроилась, что мама не сможет приехать сегодня из-за завалов, но девочкой Каля была очень разумной и рассудительной, и объяснила коту, что не нужно волноваться по пустя-

кам – завтра завалы разберут, и они вместе с мамой будут праздновать ее день рождения, а со стороны Ученого было бы очень мило поймать ей в подарок, например, пару мышек. Кот сказал: «Мррр-аа», – и начал красиво перепрыгивать с места на место. Девочка запрыгала вместе с ним, старясь точно попасть в его следы.

Вдруг она подняла глаза и увидела какого-то человека, спускавшегося вниз с горы. Сначала она подумала, что это местный пастух, но он был как-то странно одет, и больше всего ее удивило, что руки незнакомца болтались, будто на ниточках, сами по себе, как у сломанной куклы. От растерянности девочка словно приросла к месту, а незнакомец все приближался. Когда он оказался от нее на расстоянии всего нескольких шагов, Каля спросила:

– Ты кто?

Глава 31

Незнакомец что-то замычал в ответ и закрутил головой. Девочка так испугалась, что хотела было кинуться к дому, но вдруг кот, который еще секунду назад делал вид, что пытается поймать какую-то птицу, оторвался от своего занятия и с интересом подошел к незнакомцу. Тот остановился и попытался нагнуться к животному. Кот по-деловому обнюхал его ботинки, потому вдруг изогнулся и всем организмом начал тереться ему о ноги, делая круги и заглядывая человеку в глаза.

Каля поняла, что раз пришелец – знакомый ее кота, то бояться ей нечего, и она опять попыталась заговорить с ним на всех известных ей языках, но мужчина только мычал и мотал головой. Тогда она решила, что лучше отвести его к отцу, который, конечно, сразу поймет, в чем дело. Девочка смело потянула незнакомца за рукав, указывая в сторону дома. Неожиданно человек застонал, но закивал головой в знак того, что понял.

Тимофей Степанович встретил всю процессию в дверях дома: впереди шла Каля, за ней с болтавшимися по-петрушечьи руками двигался высокий стройный мужчина с военной выправкой, а позади замыкал шествие кот, всем своим видом показывая, что незнакомец – его личная, кота, находка.

Пришельца усадила на стул посередине кухни. Швейцарка засуетилась, принесла в тазике воды и попыталась было прикоснуться к рукам мужчины. Но он опять застонал и что-то замычал. Все очень растерялись, но Тимофей Степанович взял ножницы и разрезал рукава незнакомцевой одежды. Тот радостно закивал. Тимофей Степанович, как художник, был знаком с анатомией, и понял, что обе руки человека сломаны. А говорить пришелец не может потому, что у него что-то произошло с лицом – оно было все перекошено.

Тимофей Степанович объяснил это швейцарке, спросив ее, не случилось ли ей сталкиваться с переломами, потому что надо бы наложить на руки какие-нибудь шины, но он не знает, как это делается. Швейцарка сказала, что когда ее муж ломал в горах ногу, то сначала эту ногу привязали к другой, а потом всем занимался врач. Но сама она лечить переломы не возьмется, потому что, если неправильно сложить кости, то срастется не так, как надо, и лучше дождаться мужа, который совершенно случайно не вовремя ушел с утра к соседям чинить швейную машинку.

Гость же тем временем встал и подошел к окну кухни, выразительно глядя на девочку. На подоконнике лежала поваренная книга. Незнакомец утвердительно закивал, и Каля сначала с недоумением взглянула на него, а потом открыла книгу на первой попавшейся странице. Гость очень обрадовался и даже попытался улыбнуться, но чуть не испугал маленькую Калю болезненной гримасой.

Книга была на немецком языке, и когда незнакомец обнаружил это, то, как показалось, сильно расстроился.

– Verstehen Sie Deutsch?¹ – спросил Тимофей Степанович.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

– Тогда по буквам надо! – воскликнула Каля и повела пальцем вдоль строчки рецепта, который, между прочим, повествовал о способе засолки огурцов, называемого автором кулинарного сочинения «древнеримским» – «Altromegurkeneinsalzverfahren».

Когда Каля дошла до буквы «i» незнакомец утвердительно прикрыл глаза. Затем сделал то же самое на «a», «m», «t», «h» и «e».

– Выпишем это на бумажку, – решил Тимофей Степанович.

Получилось «iamthe».

¹ Вы понимаете по-немецки? (нем.)

Такого слова не знал никто, но незнакомец простонал так, что все поняли – дело поне-многу, но движется в нужном направлении. И Каля вновь стала отыскивать в рецепте исторической закуске так нужные сейчас литеры.

Спустя некоторое время после продолжающихся одобрительных кивков и постанований на бумажке сложилось: «iamtheenglish» и Тимофей Степанович облегченно вздохнул:

– Ну, теперь ясно – он англичанин... You the Englishman, not the truth whether?²

Незнакомец утвердительно простонал.

Надо сказать, что такой способ общения, да еще на языке, которым из всех хоть как-то владел только Тимофей Степанович, был не самым легким, но, тем не менее, все поняли, что пришелец – английский летчик, самолет которого был сбит над Францией, а его на парашюте занесло ветром в их горы.

Пока продолжались филологические упражнения, швейцарка нашла нужным хотя бы как-нибудь подвязать с помощью платков сломанные руки павшего авиатора, дабы в них не застаивалась кровь. Попытки же накормить сына Альбиона хлебом и сыром вообще не увенчались успехом. Все его усилия открыть рот больше, чем на толщину пятифранковой монеты были невыносимо болезненны, однако он с удовольствием выпил целый литр теплого молока через макаронину, которую смогли засунуть ему между губ в проем, образовавшийся от потерянного при падении с небес на землю зуба.

² Вы англичанин, не правда ли? (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.